

ЯСМИНА САФИР

Обжигающий
АЙСБЕРГ

Ясмина Сапфир Обжигающий айсберг

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Пространственно-временной сдвиг – и на нашу Галактику наложилась другая. Оказалось, инопланетники – станхи уже посещали Землю. Их гены проявились в людях, названных хоррами. Одно касание: и мы считываем ваши эмоции, а через них можем видеть вашими глазами, проникать в мысли и воспоминания, замещать одну эмоцию на другую. Работаем в галактическом патруле: гасим конфликты, внушаем пострадавшим нужные чувства. Однажды наши ряды пополнил знатный станх. Он говорит, что хочет общаться, но все больше молчит. А хуже всего, что земляне и станхи стали конфликтовать без повода, а враги станхов – джетты мутят воду.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	55
Глава 3	74
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сапфир Ясмина

Обжигающий айсберг

Глава 1

В лаборатории царили тишина и покой, как всегда, ранним утром. Я специально приходила сюда в это время, задолго до начала смены, чтобы сдать кровь в гордом одиночестве.

Коллеги, что заступали в дневную смену появлялись только часа через три, дежурные в ночную – уже к вечеру. Обычно я ни с кем не пересекалась, к своему огромнейшему удовольствию.

Так здорово избавиться от ненужного любопытства, надоедливых прилипчивых взглядов, что ограничились с бестактностью. Я не винила окружающих. Хорры – редкий вид землян, в которых проявились гены станхов – инопланетян, что волею судеб очутились в нашей Галактике. Вот так вот вышло, что случился какой-то пространственно-временной сдвиг. Две бесконечно далекие друг от друга галактики внезапно не просто сблизились, фактически наложились одна на другую.

Станхи иногда посещали Землю – отсюда и гены, рассказы о летающих тарелках, зеленых человечках и прочих вещах, столь любимых уфологами. Контактерам и ученым, что занимались подобными исследованиями верили не больше,

чем новостям и комментариям в интернете... А вон оно как все обернулось...

Когда станхи появились в земных городах – вот именно появились, словно из ниоткуда, заброшенные пространственным сдвигом, их гены начали пробуждаться в людях.

И двум расам стало легче общаться, сотрудничать и вообще понимать друг друга, при помощи таких как я, названных хоррами.

Всего нас обнаружилось не больше нескольких сотен. В основном – мужчины и лишь пара десятков – женщины и дети. Применение хоррам нашли сразу же. В сферах, где требовалось работать с обеими расами, помогать им развивать понимание и сотрудничество.

Проще говоря, делать все, чтобы станхи, что вели себя как замороженные рыбы, не получили культурный нокаут при столкновении с экспрессивными землянами. А люди не погрузились в пучину депрессии в обществе станхов, больше похожих на оживших роботов.

Меня назначили в отделение космического патруля, по сути галактического МЧС. Вот только мы не снимаем кошек с деревьев, не вытаскиваем альпинистов из ущелий и не делаем искусственное дыхание тем, кто сильно пострадал в дорожной аварии. В космосе особо не разгуляешься. Но миссии наши порой опасней и стократ сложнее, нежели описанные.

Когда-то очень давно я смотрела про такие в кино и счи-

тала их фантастикой. Еще недавно земляне едва ли вырвались бы за пределы солнечной системы, решили проблему гравитации на космических кораблях и спутниках, дабы космонавты не теряли кальций и не восстанавливали кости. Еще недавно города, бары, больницы и школы внутри судов, что бороздят просторы Галактики, виделись нам не более чем смелой выдумкой. И вот будущее настало раньше, чем мы успели сказать «ой».

Я участвовала в полетах с разными экипажами, что состояли из землян и станхов. Почти не помогала ни в экстренной починке кораблей, что терпели крушение в открытом космосе, ни в спасении десанта на агрессивных планетах, ни в розысках патрульных, что там затерялись. Я по большей части решала спорные ситуации в общении землян и станхов, помогала расам найти общий язык и адаптироваться друг к другу. Объясняла, почему некоторые капризы землян – во все не капризы, а требования станхов – отнюдь не дань бюрократии.

Перед вылетами патрульные обязательно сдавали кровь. Теперь по одной лишь пробирке красной жидкости определяли больше, нежели в моей молодости при помощи УЗИ, МРТ и пункции всех внутренних органов. Даже эмоциональный фон владельца крови – и тот рассчитывали. Не говоря уже о наличии запрещенных веществ, употребление которых противоречило уставу. Наркотиков, алкоголя, препаратов, что ослабляли реакцию или меняли восприятие реаль-

ности.

Станхи за считанные годы продвинули технологии человечества на тысячелетия. Кровь забирали автоматически специальные сканеры, похожие на аппараты для газировки, только без стаканчиков и кнопок с выбором напитков. Приложил палец к синему прямоугольнику в человеческий рост, ощутил укол – и твое состояние уже анализируется.

Посидел немного в белоснежной комнате, в белом кресле со спинкой из жидкого пластика – он принимал форму тела и поддерживал везде, где требуется – и результаты поступают на браслет-компьютер. Одновременно загружаются они и в базу патруля. Если все хорошо – получаешь допуск. Если нет – ни в один корабль войти не сможешь. Специальное силовое поле не позволит даже шаг лишний сделать по трапу.

Я сняла синие перчатки, обязательные для хорра – касаться нашего тела разрешалось только в особых случаях. Такие как я воспринимали чужие эмоции через малейшее прикосновение, ловили отголоски желаний и мыслей. Чтобы оградить остальных от душевного и мысленного «стриптиза», да и самим не сбиваться на чужие ощущения-размышления, мы носили облегающие синие комбинезоны с перчатками и покрывали лицо специальным бесцветным гелем. Он создавал нечто вроде невидимой защитной пленки. Кожу не сушил, но изолировал от всего что чувствовали и думали окружающие.

Зеркало у входа в лабораторию показало спортивную женщину неопределенного возраста – так выглядели все, в ком

пробудились гены станхов после тридцати-тридцати пяти. Глаза умудренного жизнью существа на гладком лице молодой девушки сейчас уже никого не обманывали. Нас узнавали в толпе и не удивлялись ни капли.

Тонкие, выразительные черты, слегка ассиметричные, маленькие губы и большие глаза – то, чем наделила меня природа, помимо острого ума и сильного характера.

Я откинула со лба короткую челку, оправила тугую рыжую косу и коснулась синего анализатора. Автомат взял кровь, и я присела в кресло. Перчатки надевать не хотелось. Все равно я тут в гордом одиночестве. Я задумалась, в ожидании результата, когда резкий, низкий мужской голос вывел из транса.

Я дернулась и машинально принялась натягивать перчатки.

В дверях появился очень крупный станх, даже больше, чем многие десантники. Инопланетники выглядели гораздо массивней людей. Если поддерживали форму, то имели шикарные мужские тела, все по канону – широкие плечи, мускулистые бедра, сравнительно узкую талию. Если расплывались – то выглядели просто горой живой массы. Женщин-станхов я еще не встречала. Они почти никогда не работали на Земле, предпочитая не покидать родную планету.

Ожирение незнакомцу в черной форме с алыми заклепками, как у капитанов патрульных истребителей, однозначно не грозило. Он весь состоял из литых мускулов. Резкие, слов-

но рубленые черты, свойственные станхам, у этого инопланетника выглядели чуть мягче. Зеленые глаза внимательно изучали меня.

Хм... Этого станха я видела впервые, хотя за долгие годы работы успела перезнакомиться со всеми офицерами и служащими космического патруля. И все же, на груди незнакомца красовался знак нашего подразделения. Щит, опоясанный зеленой ветвью.

Станх немного помедлил, слегка прищурился, откинул назад длинные русые волосы, что рассыпались по спине и плечам и произнес:

– Вообще-то я поздоровался. И если вы знакомы с правилами хорошего тона, то не мешало бы ответить адекватно.

– Прошу прощения, задумалась. Приветствую вас, капитан...

– Фент Бро, – зеленоглазый чуть склонил голову и смотрел теперь из-под густых светлых бровей. – Только что поступил на службу. До этого работал в космическом Омоне.

Я сдержала удивленный возглас.

– Олеся Авердина, – представилась в ответ. В эту минуту на браслет-компьютер пришла расшифровка моего анализа крови. Все хорошо, допуск получен. Я поднялась из кресла и направилась к выходу из лаборатории.

– Олеся, – задумчиво повторил Фент. – Я видел вас в списках патрульных хорров на трехмерных фотографиях. Вживую вы еще красивей.

Он сказал это так легко, просто, словно и не комплимент отвечивал, а так озвучивал замеченное между делом. Зеленые глаза странно сверкнули, а губы слегка поджалась.

Казалось, этот вояка просто не испытывает сильных эмоций, лишен выразительной мимики – все-то у него едва, немного, чуточку...

– Да просто снимаюсь обычно с чужим лицом... на документы, – съязвила я. Фент ненадолго задумался, видимо, соображал – чтобы это значило. Затем криво усмехнулся:

– За словом в карман не полезете.

– Такая работа. Хорошего дня, – с этими словами я выскользнула из лаборатории, чувствуя взгляд станха – почти осязаемый, он впивался в спину. Бррр... Я двинулась по зеленым коридорам медицинского центра, в сторону столовой.

Станция космического патруля располагалась в Эльвересте – искусственной вершине, созданной на земле станхами. Почему ее называли почти как Эверест – вершину естественную, не знал никто, разве что сами инопланетники. Но нам рассказать о мотивах забыли. Впрочем, никто особенно не переживал по этому поводу.

Гора представляла собой гигантскую каменную глыбу с ярусами-комнатами. Снаружи она ничем не отличалась от обычных скальных массивов. Острые пики вершин пронзали пушистые облака, зеленые пучки травы и яркие градины цветов виднелись с земли, полосатая порода походила на слоеный пирог из коржей с разными наполнителями. Розо-

вые, белесые, серые, черные, они чередовались как попало.

Внутри скрывался целый небольшой город. Жилые отсеки, огромные ангары для кораблей, истребителей, исследовательских спутников, подсобные помещения и, так называемые, «помещения для общественных нужд». К ним относились пара столовых, шесть аптечно-больничных центров, четыре ресторана, пять баров и отдельный отсек с ночными развлекательными заведениями. Казино, бильярд, боулинг, караоке, стриптиз клубы для мужчин и женщин, бани, сауны... здесь было все для досуга и отдыха.

Лаборатория, откуда я вышла, располагалась не в аптечно-больничном центре, как можно подумать, а неподалеку от ангаров для истребителей. Видимо на случай, если кто-то проспал и нужен срочный анализ, а потом – на дежурство.

Столовые ходили одна на другую. Большие светлые залы с высокими сводами потолков и стрельчатыми окнами, что вели... внутрь скалы. Наружу никакие окна станции не выходили. Но ежеутренне в них начинало светить искусственное солнце города внутри горы, а ежевечерне – фонари, что крепились прямо на карнизы и напоминали светящиеся сталагмиты.

Витрина столовой тянулась от стены к стене на многие метры и предлагала разные виды блюд: земные, станхийские, смешанные и адаптированные. Последние предназначались для тех, кто хотел попробовать кухню другой расы и не хлопотать проблемы с желудком.

Хорры могли есть все, что захочется. Я прошла мимо разных видов мясных блюд. От сытного жаркое со сметанной подливкой до шашлыка в золотистой корочке из земного мяса и станхийского. Белка утром не хотелось – тяжело вато для начала дня. Овощные рагу пахли пряными и острыми специями. Слишком резко. Я выбрала греческий салат с рассыпчатыми кусочками сыра и свежими ароматными огурцами, булочку с кунжутом и черный чай без наполнителей.

Как и в лаборатории, в столовой не было ни души. Автоматы исправно заменяли вчерашние блюда на свежие каждые 24 часа. Обслуга тут не требовалась. Не то что в ресторанах-барах, где сновали шустрые официанты. Когда-то многие фантазировали, что будущее обслуживающего персонала за киборгами или роботами. Возможно, биоботами. Но автоматы остались автоматами, а клиентам оказалось куда приятней общаться с живыми существами, нежели с теми, кто отвечал, советовал, действовал согласно программе.

Пластиковые подставки под еду на квадратных бежевых столиках сегодня содержали анекдоты и рекомендации по правильному питанию. Иногда они пестрели фотографиями знаменитых актеров, порой рассказывали о новинках кино или литературы. Временами тиражировали самые важные новости.

Сегодня таковых не нашлось. Все тихо, чинно и благородно. Ну и слава богу.

Побольше бы таких дней. Без атак на наши рубежи джет-

тов – еще одной весьма интересной расы из Галактики станхов. Джетты напоминали наших союзников-инопланетян внешне, но оказались куда агрессивней. И постоянно стремились оттяпать чужую планету, превратив жителей в слуг или рабов.

Голубая мечта – ничего не делать, пока низшие расы ползают с опахалами, кормят или обслуживают.

Патрульным нередко приходилось вступать в бой с агрессивной расой или устранять последствия нападений кораблей джеттов на мирные суда.

Благодаря станхам планет, колонизированных землянами, становилось все больше и джетты не теряли надежды поживиться на наших рубежах.

Я пристроилась у стены, на диванчике цвета кофе с молоком и собиралась начать есть, когда стул напротив чуть скрипнул, отъехал и ко мне подсел... Фент.

– А вы не слишком общительны... для хортки... Разве в задачу вашей расы не входит коммуникация с разными существами? – вскинул бровь станх. На его черном с алыми маками подносе красовалась какая-то жареная тушка с длинными белесыми кореньями – тамгами – их очень любили сородичи Фента.

Что удивительно – в стандартной белой столовской кружке патрульного дымился... черный чай, прямо как у меня. Станхи предпочитали напиток из трав и коры деревьев с родной планеты. Некоторые любили горьковато-кислый зе-

ленный сок из заркуйи – фрукта, что привозили оттуда же.

– В нашу задачу входит решать проблемы с коммуникацией и психологической совместимостью рас, а не болтать со всеми напрапалую без особой на то необходимости, – парировала я и принялась за еду.

Некоторое время я жевала, а Фент словно затих и наблюдал. Даже не притронулся к собственному завтраку.

Постоянное, странное внимание действовало на нервы. Я держалась ровно двенадцать минут.

– Что-то не так? – вскинула глаза на нежеланного соседа.

Станх криво усмехнулся.

– За вами интересно наблюдать...

Я ожидала дальнейших пояснений, типа: вы потешно жуete, смешно щуритесь, запивая чаем, почему-то не чавкаетe... Но Фент счел ответ достаточно красноречивым и внятным. Краткость – сестра таланта. Мда... Похоже, с земной классикой он на «ты».

Я отложила вилку, отставила кружку и уточнила:

– И что же такого во мне интересного?

Фент пожал плечами, развел руками и сообщил:

– Понятия не имею.

Мда... Разговор явно не клеился. Я дожевала булочку без всякого аппетита, поковырялась вилкой в салате, допила чай залпом и встала.

– Давайте я провожу вас к своему кораблю, – внезапно предложил Фент.

Я посмотрела на нетронутую еду станха и вскинула взгляд на его лицо – невозмутимое, чуть напряженное.

– Я взял только чтобы вас не смущать, – без малейшей эмоции объяснил Фент. – Хотел немного пообщаться...

– У вас странный способ это делать. Молча. Всегда считала, что общение заключается в обмене фразами. На худой конец, междометьями. Ну там... Хорошее сегодня утро? Угу. А? Да. Эм... Ага... Ммм... Гы... Понимаете?

Станх усмехнулся:

– Я работал в космическом олоне на своей планете.

Я опять рассчитывала на «продолжение банкета», но собеседник счел, что все ясно и так. Заметив недоумение на моем лице, Фент наконец-то снизошел до пояснений:

– Не знаю, как и о чем беседовать с землянками.

– Не поверите! О том же, о чем и с вашими женщинами. О погоде, природе, работе, хобби!

Я вдруг замерла и выпалила:

– А зачем вам вообще со мной беседовать? То есть... мы случайно столкнулись в лаборатории. Поздоровались и разошлись. Встретимся на корабле. В конце концов, общаться нам совершенно не обязательно. Понадоблюсь – позовете. Потребуется моя помощь – свистните...

Фент заломил бровь, давая понять, что со сленгом не особенно ознакомился, и я поправилась:

– Вызовите по браслету-компьютеру...

– Я ведь сказал. Я хотел с вами пообщаться, – парировал

станх. Мда. Разговор зашел в тупик. Он хотел пообщаться, поэтому и не общался, просто не знал, как общаться с землянками. Но хотел... Тяжелый случай.

– Я, пожалуй, пойду, – единственное, что пришло на ум. И внезапно станха прорвало на самый длинный спич в нашей беседе:

– На каждой планете своя ритуальность, понятия о культуре, в том числе и разговора. Мы почти незнакомы, впервые встретились. Я не знаю, какие темы допустимы в такой ситуации. На нашей планете в подобных случаях есть лишь несколько допустимых тем для знати: погода, комплименты и последние новости.

– Вы из знати Станхии? – поразила я. Собеседник не разочаровал – обошелся коротким кивком.

Вот уж новость так новость. Я двинулась вслед за Фентом, безропотно позволив тому вести к своему кораблю. Хотя времени до дежурства оставалось еще немало.

Обычно аристократы станхов служили на родной планете, а на Землю залетали исключительно развлечения ради. На экскурсии, покутить в клубах и на дискотеках, наконец – поклеить женщин, как выражались во времена моей молодости. Знатные инопланетники почти никогда не связывали жизнь с землянками. Хорток считали голубой кровью, но даже для сватовства, как правило, вызывали к себе на родину.

Чтобы родовитый станх устроился работать на Землю... да еще с необходимостью жить на чужой планете, в закрытой

военной базе... Даже не знаю, что для этого потребовалось бы. Новый пространственно-временной сдвиг? Взрыв сверхновой? Появление черной дыры?

Фент не собирался объяснять причины собственного решения. Просто вел меня вначале вдоль серебристых стен рабочих коридоров, а затем – мимо оранжевых колонн серого ангара для космических судов всех видов и назначений.

Двигался станх непривычно: стремительно, легко и пластично. Очень необычно для столь мощного мужчины, на чьей планете сила притяжения чуть ниже нашей. Сороди-чи Фента, с которыми мне доводилось встречаться, ходили грузно и жестикулировали резко. Было заметно, что им не по себе в условиях повышенной гравитации. Новый знакомец вел себя так, словно вырос на земле и вовсе не обладал более тяжелым, нежели люди скелетом, не говоря уже о мышцах, что в разы плотнее человеческих.

Мы отмотали большое расстояние до мощного серебристого истребителя, похожего на округлую ракету. Я хорошо знала этот корабль. Еще недавно им управлял Влад, точнее – Владлен. Землянин, который вечно ко мне клеился. Не ухаживал, именно – клеился. То его руки обнаруживались на моей талии, то на бедрах, а то словно бы невзначай касались груди. В корабельной столовой я не знала, как встать к витрине, если Влад заходил поесть. Он неизменно стремительно приближался и притормаживал так, чтобы дотрагиваться бедром, прижиматься чем-нибудь еще менее приличным.

Я делала замечания Владу, но тот всякий раз повторял попытку. Однажды он пригласил меня на свидание, но получил отказ. Этого оказалось мало. Каждая наша общая смена походила для меня на пытку. Сказать, что я безумно обрадовалась смене капитана истребителя номер три-три-пять – означает не сказать ничего.

Фент остановился у широкого металлического трапа и подал мне руку. Галантно и непривычно. Ни станхи, ни земляне так любезничали.

Я оперлась на ладонь Фента и готова была поклясться, что она нагрелась. Я ощущала это даже сквозь перчатку.

Спутник вошел в корабль следующим. Я двинулась в служебный отсек для невоенных патрульных. Станх молчаливо сопровождал, ничего не говорил и дышал в затылок. Не знаю даже нравилось мне или нет. Но, когда добралась до рабочей каюты дежурного хорра, коротко попрощалась с мужчиной и плотно захлопнула дверь, сразу ощутила слабое облегчение.

Каюты для хорров отличались от тех, где жили члены команды. Эти выглядели аскетично, просто и по-спартански. Я заходила к знакомым патрульным, в гости или просто скоротать время, если дежурство выдавалось легким и беспроblemным.

Нейтрально-бежевые стены, большая кровать, пара тумбочек и стульев, гардероб, стол, за которым можно и есть, и работать, снабженный компьютером – вот и все изыски. Мебель делалась из камня-пластика со Станхии. По твердости

минерал не уступал мрамору, по легкости – пластику и по внешнему виду мало от него отличался.

Новые компьютеры представляли собой чудеса технологии. Коробочка, не больше спичечной, жмешь несколько кнопок – и вот тебе виртуальная клавиатура, монитор и мышка. Все реагирует на прикосновения, настраивается на ауру и ДНК владельца, и под пальцами чувствуется, будто настоящее.

Моя каюта больше напоминала те, что делались в пассажирских транспортниках. Светло-фисташковые стены, мягкие диваны, кровать на трех человек, вместо стульев – кресла, два стола: обеденный и рабочий, два шкафа и столько же тумбочек.

Изумрудные коврики под ногами позволяли снять обувь на время отдыха и наслаждаться тем, как ступни перекатываются по нежному ворсу.

Некоторая аскетичность интерьера все-таки ощущалась. Мебель выглядела просто, на ковриках отсутствовали узоры. Но было заметно, что хоррам пытались создать обстановку, приближенную к каютам гражданских.

За окном-экраном, словно рыбы в океане, плавали планеты и метеориты. Новые иллюминаторы оцифровывали то, что происходило в космосе и показывали в наиболее четком виде. Хочешь – приближаешь, хочешь удаляешь, хочешь отслеживаешь курс истребителя.

Первая половина дня прошла как обычно.

Я прикладывала ладонь к датчикам энергии эмоций, что улавливали напряженные отношения в любой части корабля – и спешила на помощь. Да, да, как древние мультики Чип и Дейл.

Датчики располагались очень удобно – на небольшом столике, напротив мягкого зеленого диванчика из того же геля, что и мебель в столовой и напоминали большие зеленые светильники. Я могла проверять обстановку, не сходя с места, поглядывая в экран-иллюминатор, что показывал обработанное изображение космоса. Безвоздушное пространство в нем выглядело синим, звезды, планеты и космические тела можно было приблизить, удалить и даже развернуть, чтобы разглядеть получше.

Дважды я разнимала землян и станхов, когда те не могли договориться о слаженной работе в командной каюте. Земляне любили действовать по наитию, а станхи работали по уставу. Отсюда и возникали терки. Сородичи собирались менять курс, согласно новым сведениям про астероидные поля, еще не до конца изучив последние. Станхи хотели подождать детального обзора космоса. Земляне апеллировали к тому, что, возможно, именно сейчас, где-то происходит нечто нехорошее и мы не успеем предотвратить его. Станхи парировали, что, если сгинем сами, то и спасти никого не получится.

Один раз пришлось зайти в отсек медиков. Новая медсестра – землянка – никак не могла договориться с главным

врачом – станхом. Ну не привыкли инопланетники к тому, что женщине, ниже тебя по званию плевать на то, что она ниже по званию. Она – женщина и этим все сказано. Нарастал конфликт между нашим знаменитым Мастраллем Сомлом – одним из лучших врачей станхов и Мариной, медсестрой, что принялась раскладывать препараты по-своему.

В общем, обычная рутина. Снять перчатки, считать эмоции, объяснить, показать, доказать, успокоить. Удалиться к себе до следующего недоразумения. Обыденность для хорра, что вот уже несколько лет устраняет подобные разногласия между расами. Семечки...

С чувством выполненного долга хорра-конфликтолога, как полностью звучала моя должность, я отправилась в столовую.

Но еще по дороге, в коридоре услышала знакомый насмешливый голос Влада.

– Привет, красотка! Еще не передумала насчет свидания?

Землянин, надо признать, обладал весьма привлекательной внешностью и разбил немало сердец как на нашей станции, так и за ее пределами.

Высокий, широкоплечий, атлетически сложенный, с простоватым, но приятным лицом, серыми глазами, ближе к стальному оттенку и высоким мелодичным голосом, он чувствовал себя королем вселенной. Наверное, поэтому никак не мог смириться с моим отказом.

– Нет, не передумала, – я постаралась побыстрее разми-

нуться с Владом. Внезапно крепкая мужская рука схватила за талию. Меня прижали к стене и массивное тело Влада почти обездвижило. В лицо пахнуло сладковатой туалетной водой.

– Ты такая колючая. Этим и заводишь! – наглые лапищи полезли к груди. Ага! Влада сместили с должности капитана – судя по поганам – на должность маневриста – того, кто руководил маневрами во время боя или экстренных ситуаций – и землянин решил, что пора действовать. Раньше его сдерживал страх потерять пост и получить дисциплинарное взыскание – капитанов строго наказывали за любые провинности. Теперь, похоже, не мешало уже ничего. Я задергалась, попыталась вырваться, когда Влад отлетел к стене. С минуту он трепыхался в руках Фента, затем станх почти освободил землянина, удерживая только за руку.

– Какой частью тела коснешься ее без согласия – ту и сломаю, – Фент произнес это как факт, без злости или бахвальства. Впрочем, его стальная хватка заставила лицо Влада перекоситься от боли.

Станх отпустил парня и тот недовольно скривился:

– Может у вас еще спросить разрешение?

– У нее спроси, ррамтахх! – последнее слово на стахийском означало нечто вроде уroda или придурка. Но Влад не стал лезть на амбразуру гнева Фента. Капитан выглядел почти спокойным, каменным, но складывалось ощущение, что под этой маской хладнокровия бушуют те еще страсти.

Влад покосился на меня, пробормотал нечто вроде: «Нашла тоже защитничка» – и устремился к выходу из отсека.

Несколько секунд – и парень исчез за округлой дверью, что соединяла разные части корабля. Круглый металлический диск, весом, наверное, в тонну, медленно вернулся на место, повинувшись силовому полю.

И вот не знаю – что нашло на меня.

Но захотелось пожурить Фента. В конце концов – сглаживать острые углы, находить общий язык – это моя работа. А станх фактически признал меня несостоятельной, можно сказать – непрофессиональной, даже не позволив попытаться разобраться с нахалом без чужой помощи.

Фент застыл возле окна-экрана и наблюдал за мной, словно замороженный. Я сделала пару шагов к станху, тот подался вперед, но с места не сдвинулся.

– Я, конечно, весьма благодарна вам. Спасибо, что вмешались и пригрозили Владу, – начала я издалека. Фент понял, что последует продолжение, уже не столь для него приятное и немного поджал губы. Теперь он напоминал парня, что защитил девушку от нападков ее же собственного ухажера и собирается получить за это по полное число, хотя действовал исключительно благородно. – Я сама в состоянии разрешить подобную ситуацию. Понимаю. Вам это внове. Вы первый день работаете на Земле и в нашем патруле, видимо, тоже. Но моя работа состоит, в том числе, и в улаживании подобных конфликтов.

Фент хотел что-то сказать, отмахнулся и промолчал.

С минуту в коридоре царило глухое беззвучие, нарушаемое только шумным дыханием мужчины.

– Что-то еще? – не выдержала я, потому что станх смотрел, не смаргивал и продолжал сохранять молчание. Тишина так и звенела в воздухе натянутой до предела струной.

Фент лихо крутанулся на пятках, собирался отправиться восвояси, но вдруг остановился и опять развернулся ко мне:

– Я в курсе ваших прямых обязанностей, – сказал с раздражением в голосе. – То, что я сделал было скорее инстинктом. Я машинально защитил женщину, которая так... – Фент осекся, пока я усиленно подбирала слова под его фразу и не находилась с ответом. Так... что? Так опешила. Так плохо работает? Так неумело находит общий язык с нахалами, что к ней пристают? Что? Что он имеет в виду?

Это была похвала или критика? Издевка или забота?

Станх отмахнулся снова: рубленный жест выглядел даже эффектно и по-военному отточено. Открыл рот, планируя что-то добавить, отвернулся, собирался уйти восвояси, но притормозил на полушаге.

Вот это эмоции у него взбунтовались! Мечется как волк под дулом ружья! Не знаю почему пришло такое сравнение. Фент выглядел хищником – мощным и сильным, опасным и одновременно умеющим сдерживать свой темперамент. Станхи вообще казались мне в этом плане странными до крайности. По большей части они реагировали на все без-

эмоционально. Не зря же за глаза народ Фента прозвали «замороженными рыбами». Но уж если этих рыбешек пробивало на эмоции – туши свет, спасайся кто может. Я с огромным трудом справлялась с чувствами и порывами станхов, когда ситуация вынуждала читать их.

Но реакция Фента все равно выглядела странноватой. Ну увидел он дурное обращение с женщиной «которая так...» умна, интересна, долго работает в патруле, беззащитна, растеряна. Подставь любое нужное слово в отсутствие объяснений. Ну попросила я его больше не вмешиваться. Дальше-то что? Чего кипишить, как выражались очень давно на Земле.

Станх, тем временем, продолжал бурно реагировать, – а вот на что именно я не понимала.

Он сжал кулаки и разжал, поиграл желваками и начал перекатываться с носков на пятки.

– В общем, я действовал на инстинктах. Постараюсь помнить, что вы специалист в улаживании... хм... неприятных ситуаций. И не вторгаться в вашу работу, пока сами не попросите...

Он поморщился, крутанулся на пятках и, не дожидаясь ответа, рванул в сторону выхода из отсека. Добрался до нее Фент еще быстрее Влада – словно за ним гнались с плазменными пушками.

Но ушел не так стремительно. Обернулся, окинул непонятым взглядом, очертил фигуру, мазнул по лицу и только потом скрылся.

Всю дорогу до столовой я размышляла о странностях нового капитана. Станхи практически никогда не вмешивались в отношения землян с хоррами и вообще людей, предпочитая держаться в стороне. Я впервые видела, чтобы инопланетник защищал человеческую женщину, пусть даже с генами его расы. Может, вельможные станхи чем-то отличаются от безродных? У них какие-то свои понятия, правила и привычки?

Странно... Я видела Фента всего несколько минут, то тут, то там и мы почти не разговаривали – вряд ли обмен парой фраз, междометий можно назвать полноценной беседой – но я уже думала об этом мужчине. Не как о станхе, не как о капитане и даже не как о загадке, ведь знатные сородичи Фента никогда не работали в земных организациях. Я думала о новичке в патруле как о мужчине.

И это обескураживало. Обычно я не воспринимала так инопланетников. Скорее, как другой вид животных – разумный, возможно, более развитый, но совершенно чужой и непонятный. Не отмечала привлекательность станхов как мужчин, оценивая их чисто эстетически. Как породистых собак, лошадей, кошек... Хотя, вполне возможно, сыграло роль необычное поведение Фента: то как он сдерживал эмоции и то, что вообще настолько завелся лишь потому, что кто-то меня обидел.

Я прошла мимо богатой выставки разных блюд... Задержалась взглядом на треугольниках... по-моему они так

раньше назывались. Такие пирожки с мясом, картошкой и луком. Взяла парочку, чай с брусникой и клюквой, немного мелко нарезанного винегрета и разместились за столиком.

Мягкий бежевый диван принял форму тела. Подсвеченные лампочкой цветы из микралла – кристалла со Станхии, который окрашивался в разные цвета в зависимости от состава воздуха – слабо мерцали. Запахи витали вокруг, проносились мимо и будоражили.

То пахло сытной жирной колбаской, то мягким сыром Гауза, то сочными кисло-сладкими апельсинами, то чем-то еще, определенно инопланетным.

Я взяла ложку, вилку и подняла глаза, чтобы опять встретиться взглядом с Фентом.

– От вас не особенно укроетесь, – не выдержала я – съязвила. Фент поморщился, поставил на стол маккунту – нечто наподобие нашего рагу из станхийского мяса с овощами. Высокий граненый стакан с соком нуройи – кисло-сладкого инопланетного фрукта с голубой мякотью и оранжевыми семечками тихо звякнул, встречаясь со столиком.

Фент секунду раздумывал, поглядывал на диван рядом со мной – там еще оставалось место как раз на одного человека или гуманоида. Но поймав мое неодобрение, разместился напротив, в высоком кресле, рассчитанном на обе расы. Если человек, что туда садился оказывался невысоким – он просто поднимал сиденье.

– Не на моем корабле, – запоздало ответил на мой вопрос

Фент.

Я огляделась. Обычно я не обращала внимания на то, кто трапезничает неподалеку. Но близость капитана немного смутила и мне стало любопытно – кто же за нами наблюдает.

Станхи и люди за другими столиками усиленно старались не пялиться. Некоторые шептались, другие упоминали Влада и его фиаско в коридоре. Фент заметил направление моего внимания.

– Они просто ищут развлечения в скучных буднях без драк и катаклизмов, – сказал философски.

– Что вам все-таки от меня нужно? – спросила я напрямую.

Станх замолчал, пригубил сок, открыл горшочек с едой и принялся ковыряться в нем вилкой. Некоторое время я ждала ответа, но капитан, похоже, не собирался давать его.

Я плюнула и принялась за еду.

– Как я уже сказал – хочу с вами пообщаться. Разве я не упоминал этого утром? – внезапно разродился Фент.

Я отложила ложку, пока станх ни с того, ни с сего принялся наливать мне чай в ярко-синюю кружку. При этом он не сводил с меня взгляда. Я даже поразились как получалось у капитана не пролить ни капли.

– У вас очень странный способ общения, – обронила, не думая.

Фент дернулся, и несколько коричневых капель рассыпались по белой столешнице. Он тут же поправился, придви-

нул мне чашку и промакнул влагу салфеткой.

– Чего вы ожидаете от общения? – спросил очень странно, внезапно. – Какие разговоры обычно ведете?

Я застыла в нерешительности, не в силах ничего сформулировать. Фент выдержал паузу, пожал плечами и вернулся к еде.

Мы закончили с трапезой молча, обмениваясь лишь пристальными взглядами. Станх вел себя безупречно. Подавал салфетку, подливал чаю.

Но беседа с мертвой точки не двигалась.

Поэтому я осушила чашку в последний раз и двинулась на выход. Фент нагнал у дверей в столовую.

– Вы меня сторонитесь, Олеся?

Я устремилась по коридору по направлению в рабочую комнату.

Фент не отставал ни на шаг.

– Я просто не понимаю, как с вами общаться... – откровенно призналась я станху.

– Ну хоть в чем-то мы с вами сходимся, – произнес он без энтузиазма. – Олеся, я вам не интересен?

Вопрос показался слишком уж странным: то ли чересчур личным, интимным, то ли непонятным, неполным.

Я задумалась, глядя перед собой. Что он хотел от меня услышать? Любопытно ли мне с ним разговаривать? Вряд ли, уж слишком беседы натянутые. Ни тебе обычных дежурных вопросов: эдакого исполнения словесного этикета про-

сто потому что так надо и правильно, ни рассказов о своем переводе, ни обсуждения семьи и друзей. Да хотя бы первого дня на работе. Сколько тем можно придумать! Но Фент только твердил о своем интересе и дальше идти не решался.

– Я недостаточно вас знаю, чтобы заинтересоваться. Вы же даете ничтожно мало информации...

Фент собирался мне возражать, даже набрал в грудь больше воздуха, но в эту минуту прозвучала сирена.

То ли где-то случилась катастрофа, то ли нападение космических пиратов, то ли мирный корабль потерпел бедствие... в любом случае, разговоры окончены. Нам следует приступить к работе.

Фент немедленно отдал мне честь – не так как делали это станхи. Они обычно прикладывали руку ко лбу, словно изображали козырек ладонью. Капитан остановил пятерню у виска, как полагалось в земных подразделениях. Я удивленно вскинула бровь. Опять не понимала и не улавливала, что все это может для нас значить.

Фент вздохнул, отмахнулся и устремился в командную рубку.

Во время военных маневров или полетов по сигналу о помощи, я обычно возвращалась в свою каюту или ждала в релаксационной – общей корабельной комнате для отдыха.

Я предпочитала одиночество необходимости исполнять социальные ритуалы: кивать и приветствовать членов экипажа, что зашли на огонек, отвечать на вопросы и приглаше-

ния.

Нет уж, каюта и только каюта. Мой дом – моя крепость, пусть и временная, взятая в наем у очередного капитана.

Я разместилась за окном-экраном и нажала несколько виртуальных кнопок. Большая красная линия расчертила линию курса – вперед и вправо.

Так... Похоже я знаю – куда направляемся.

Орбита Нурколлы – одной из самых передовых человеческих колоний и одной из самых фешенебельных. Нурколла стала чем-то вроде земных Канар или Маврикии. Вот только там не просто отдыхали – жили и виртуально работали в собственных компаниях тысячи галактических олигархов.

Наконец-то сбылась мечта селебрити и толстосумов – жить удаленно от всех, не пересекаясь с простыми смертными.

Дома там строились исключительно на побережьях морей или даже на сваях, над водной гладью. Небо бороздили сотни дорогущих цветных автомобилей, похожих на причудливых насекомых, времен динозавров.

Они лихо лавировали мимо небоскребов, похожих то на дворцы-переростки, то на башни, а то и на современные дома-коробки, только сверкающие и отделанные на манер замков. В общем, архитектурные произведения искусства здесь соседствовали с откровенной безвкусицей. Но каждый оценивался дороже, чем целый земной город.

Заведения для богатой и развращенной публики распола-

гались за каждым углом. Казино, ночные клубы, рестораны, салоны с разными настольными играми: старыми и современными, типа билльярда и накокка. Последнюю игру-головоломку подарили нам станхи и представляла она собой множество витков синих труб, спиралей, ложек-катапульта и прочих похожих вещей, по которым катился шарик. Требовалось запустить его так, чтобы в конце угодил в лунку. Про бои без правил с участием гладиаторов-гуманоидов и животных, скачки на лошадях, слонах, ттарколах – местных ящерах, похожих на драконов уже и упоминать не стоит.

Нурколла кишела местами, где игроманы сутками принимали «дозу» – делали ставки. Шуллеры обыгрывали глупеньких богатеев, а госпожа удача радостно потирала ручки в ожидании очередного заплыва по морю фортуны с завязанными глазами.

Но патрульных чаще всего вызывали совсем не туда. В игорных домах, казино, ночных клубах и ресторанах работала штатная охрана, вполне себе приличная и набранная из военных. Надоело бравым солдатам служить правому делу и народу за среднюю по меркам «новой Вселенной» зарплату и теперь они за день зарабатывали больше, чем раньше за несколько лет. Если повезет – особому риску не подвергались, хотя случалось всякое. Олигархи «заказывали друг друга», безумные игроманы пытались взорвать казино и себя вместе с ним, ушлые грабители стремились откусить кусочек от денежного пирога. Впрочем, ребята сами предпочли вой-

ну золотого тельца охране мирных граждан Союза планет.

Мы же чаще всего летали на «поля для космических гонок». Так называли орбиты планеты, где располагались гигантские станции по обслуживанию сверхскоростных кораблей и размечались дистанции. Специальные сигнальные лучи расчерчивали космос, обозначая старт, финиш, промежуточные пункты гонки и ограничения по ширине. Ярко-малиновые линии в темно-синем безвоздушном море космоса... Красиво, эффектно и опасно.

Здесь развлекалась слишком разношерстная публика. Заезды для профессионалов – гонщиков высшего класса – почти никогда не требовали нашего присутствия. Разве что случалось что-то непредвиденное. Космические корабли, созданные по станхийским чертежам – чудеса технологий, но и они не идеальны. Любой механизм, даже самый совершенный, способен дать ужасный сбой, и, как правило, в самый неподходящий момент. Впрочем, профессионалы зачастую справлялись быстрее, чем мы прибывали на место аварии.

Тем более, что поля для космических гонок обслуживали лучшие полицейские истребители и штатные патрульные, вроде наших, только намертво приписанные к месту.

Служители порядка воспринимали подобные рейды как неизбежное зло – неприятную повинность, от которой не застрахован никто. Чуть проявил мастерство на службе, показал, что знаешь свое дело – и раз в неделю облетаешь Нурколлу, ее орбиты и места для гонок.

Любительские соревнования доставляли всем срочным службам массу эмоций – в основном таких, которые нельзя выразить цензурными словами. Здесь принимали участие все, кто набрал достаточную форму, опыт вождения гоночных кораблей и захотел оторваться по полной.

Дня не проходило, чтобы на такие заезды не вылетал кто-то из наших патрульных.

Поначалу подумалось – стандартный вызов. Столкнулись какие-нибудь мажоры, повисли в воздухе и сигналият на всю Вселенную, как они пострадали. Ждут, что прилетят няньки и мамки: вытрут сопельки, подберут слюнки, заклеят пластырем царапины и отбуксируют на планету.

Но стоило истребителю приблизиться к нужному месту, как плазменные вспышки на секунду ослепили меня, хотя окно-экран адаптировало изображение под глаза гуманоидов и даже меняло его тональность. Слишком яркое приглушало, а слишком тусклое делало четче.

Вспышка повторилась – и я зажмурилась.

– Не смотрите прямо. Защитные силовые поля трех кораблей пересеклись и сгенерировали плазменные сгустки. Такое случается, но очень редко. А тут, похоже, гонщики использовали запрещенные ускорители.

Я обернулась на Фента. И когда только успел «нарисоваться»? Капитан застыл в дверях, словно ждал приглашения или собирался уже уходить. Руки скрещены на груди, на лице странная мина, и не поймешь, то ли недоволен, а то ли взвол-

нован. Эмоции тщательно заперты под толстым слоем самоконтроля и многолетней выдержки.

– Плазменные ускорители? – догадалась я. – Разве их еще продают? Думала, запретили и производить, и продавать. Подсудное дело...

Фент едва заметно повел плечом, почти также пластично, как человек, словно гравитация его не касалась.

– Если есть спрос – будет и товар.

Я снова ждала от станха хотя бы слова в дополнение, но он плотно сомкнул губы.

– Разве вы не должны командовать операцией? – спросила я почему-то. Фент чуть поморщился, но лицо его мгновенно опять окаменело.

– Зашел за вами. В аварии участвовали земляне и станхи. Смешанные экипажи. Боюсь, будет столкновение. Хотелось бы вашего присутствия.

Я кивнула и жестом предложила капитану показывать дорогу. Похоже, заразилась от него неразговорчивостью.

Фент посмотрел странно, прищурился и вдруг спросил:

– А просто так зайти, чтобы предупредить, как беречь зрение я не могу?

– Да кто ж вас знает! – честно выдала я. – Вы вообще странный.

Он отвел взгляд, поиграл желваками, собирался показывать дорогу, но зачем-то разразился еще одной репликой.

– Мне казалось, я отчетливо дал вам понять, что заинте-

ресован в вас как в... эм... личности... женщине...

– Кому именно дали понять? – поддела я станха. Тот слегка поджал губы – понял шутку.

– Что ж, нам пора на работу, – выпалил речитативом и рванул по коридору.

Я нагнала Фента только возле ангара для мини-истребителей. Спасатели уже рассаживались по местам. В каждом корабле умещались двое, но сами судна умели соединяться в так называемый «коридор», и экипажи могли переходить из одного в другое. Я собиралась занять место рядом с Дангуром – еще одним хорром. Белокурым красавцем с греческим профилем, фигурой гимнаста и улыбкой голливудского актера. Но стоило двинуться к старому приятелю, как железная рука остановила.

Я обернулась к Фенту.

– Вы со мной, – я даже не поняла – это приказ или просьба. Так прозвучала фраза. И не говоря больше ни слова станх потянул за собой так, что мне оставалось лишь подстроиться под его быстрый шаг.

Что ж. Вызов не время и не место обсуждать решения начальства. Сейчас как в армии, и даже штатские хорры несут службу.

Истребители имели внутренний отсек с медицинским оборудованием и оружием, развешанным по всем стенам. Начиная от плазменных парализаторов, заканчивая лазерными мини-пушками. Выполненные по технологиям стан-

хов из занба – сверхлегкого и сверхпрочного металла, они напоминали древние револьверы, легко помещались в руке и казались почти игрушечными.

По периметру округлого помещения располагались скамейки для медиков, а в центре две камеры для реанимации. В «хвосте» виднелась заглушка стыковочного шлюза. Фент затащил меня в кабину, где стоять уже не выходило, только сидеть в удобных креслах, что подстраивались под фигуру, рост и телосложение.

Я расположилась в кресле для «сопровождающего», станх – на месте пилота. Большинство космических кораблей управлялись автоматически, но контролировать умные машины все равно приходилось. Раньше кресло рядом с местом пилота предназначалось для его помощника или штурмана. Теперь никакого помощника не требовалось – станхи усовершенствовали автоматическое управление настолько, что опытный капитан легко справлялся и в одиночку.

По команде Фента наша маленькая спасательная эскадра быстро покинула основной корабль и двинулась к ярким вспышкам, которые, казалось, лишь разгорались.

Капитан управлялся с истребителем как с рукой или ногой: быстро, почти интуитивно и без малейшего напряжения. Одновременно успевал поглядывать на меня – странно, с прищуром. То ли изучал реакцию, то ли пытался проникнуть в мысли.

Я постаралась выглядеть как можно более спокойной и от-

решенной.

Мда... Фент – лучший пилот, которого я когда-либо видела... Еще одна загадка в мою копилку. Что капитан подобного класса, способный вести за собой войска, забыл на нашей станции?

Впрочем, об этом подумаю позже. Сейчас главное – спасательная операция.

Окна экраны демонстрировали черноту космоса, холодную и безжизненную и малиновые плазменные сгустки, что выстреливали из места аварии и медленно растекались вокруг вязкими кляксами.

Вскоре стало очевидным, что столкнулись даже не три – а четыре гоночных истребителя. Вблизи плазма напоминала лаву из жерла вулкана.

Два корабля врезались аккуратно в генератор силового поля третьего и все бы ничего, но еще один «навалился» следующим. Образовалась куча мала, и по закону подлости повредились еще два генератора силовых полей.

У боевых кораблей разрушить их – непосильная задача. Даже плазменные орудия не справятся. Гоночные – совершенно другой разговор. Там все нацелено на максимальную легкость, маневренность и защита – дело вторичное. Считается, что пилоты настоящие асы...

Я не очень понимала, как Фент планирует действовать, вконец растерялась и лишь наблюдала. Потушить силовые генераторы даже в космосе невозможно. Опустить корабли

на планету – еще хуже, там начнется цепная реакции и взрывы, сравнимые с ядерными.

Станх казался уверенным и абсолютно спокойным, будто столкнулся с самой что ни на есть рядовой аварией. Отправлял сообщения остальным кораблям – и те выстраивались согласно его задумке. Вначале мы двигались широким клином, затем истребители стремительно перестроились, окружив место катастрофы так, чтобы каждый мог состыковаться с любым гонщиком.

Истеричные сигналы бедствия заполнили эфир. Гонщики и их помощники ругались, требовали срочной эвакуации, жаловались и просто делились страхами. Фент не реагировал ни на одну реплику. Совсем. Абсолютно.

Собранный, хладнокровный, деловитый – наверное так настоящие полководцы вели солдат в бой с превосходящими силами противника.

Ситуация складывалась очень и очень нехорошая.

Взрывы начали повреждать обшивку кораблей, которую защищали другие силовые поля. Плазменные языки медленно и смачно вылизывали металл, растворяя его подобно мощным кислотам.

Я не представляла, как планирует Фент вытащить гонщиков из надежного заточения в виде горящих кораблей, окруженных облаком раскаленной плазмы, способной спалить целую планету.

Положение представлялось безвыходным. Время работа-

ло против нас – с каждой секундой гоночные истребители все больше становились поживой для ненасытного малинового пламени.

Станх передал какое-то сообщение – его пальцы быстро набрали на виртуальной клавиатуре пульта управления несколько слов. Корабли развернулись и... ударили из силовых пушек.

Вначале я испугалась, что гоночные истребители разлетятся на сотни осколков – и те устремятся в нашу сторону в виде эдакого Вселенского возмездия. Кто с пушкой к нам пришел... тот от осколков и погибнет. Вместо этого плазма дрогнула, взвилась, окруженная силовыми волнами и выстрелила вверх столбом энергии. Черт! Да он мастер!

Я посмотрела на Фента, поймала довольный взгляд – он явно оценил мое восхищение.

На несколько минут корабли очистились от ненасытных язычков плазмы, спасательные истребители состыковались, образовали коридор и бросили несколько «аварийных труб» в поврежденные судна. Эти конструкции из полужидкого металла сами искали место стыковки, позволяли перебраться тем, кто потерпел бедствие на патрульные суда и, в случае опасности, самоуничтожались.

«Коридор спасения» наполнился шумом и гамом. Две землянки бранились с парой станхоек. Первые явно из золотой молодежи. Разодетые в блестящие синий и красный комбинезоны из самых модных и дорогих тканей, с лицами,

усовершенствованными разными технологиями почти до кукольных, неестественно симметричных. Инопланетницы выглядели понатуральней: высокие, сильные, чуть более грузные чем Фент, в зеленых гоночных комбинезонах.

К ссоре присоединились четверо мужчин из остальных кораблей. Станх и три землянина. Человеческие парни выглядели почти как девушки, едва отличишь. Станх казался суровым военным среди великосветских вельмож.

Какое-то время спасенные голосили так, что уши закладывало, и разобрать кто и что кому предъявляет не представлялось возможным. Что любопытно – мужчины переходили на фальцет и визжали не хуже девушек.

Тем временем Фент отдал команде приказы – шеренга из истребителей стремительно удалялась с места аварии.

Когда мы почти добрались до спасательного истребителя, плазменный столб внезапно раскрылся веером, охватил поврежденные суда и превратился в малиново-розовый цветок с желтоватыми пестиками. Мда... венера-мухоловка космического масштаба... Еще несколько секунд – и от гоночных кораблей остались лишь жеванные куски металла.

Малиновая пасть радостно довершала дело...

Я аж вздрогнула от неожиданности, на долю секунды забыв обо всем, включая жаркую перепалку спасенных гонщиков, больше похожую на склоку продавцов на базаре. Внезапно горячая ладонь легла на плечо. Я резко обернулась к Фенту, и станх тут же убрал руку.

– Не бойтесь, взрыв до нас не дотянется. А трассу приведут в порядок.

Голос капитана меня озадачил, в нем звучала искренняя тревога и почти ласка. Совсем не подходящая в нашей ситуации. Начальник и подчиненная, куча грядущих дел, включая необходимость утихомирить спасенных. Фент заметил мое замешательство, издал странный звук – то ли вздохнул, то ли фыркнул и отвернулся.

Мда... Вот любопытно, если тебе попался немой станх, как быстро обнаружишь этот малозначительный факт? Хотя бы за неделю-то справишься?

«Коридор жизни» развернулся и цилиндром вошел в люк основного спасательного истребителя. Ангар для кораблей встретил нас зелеными стенами и несколькими боевыми судами. Их использовали для схваток с недружественными кораблями, в том числе и с пиратскими.

Акустика в ангаре была невероятной, и ссора гонщиков разносилась по всему помещению, отражаясь от стен и пола. Казалось, ругаются не восемь гуманоидов, а все двести. Причем, не просто так – вопят в динамики. Фальцет мужчин, в результате, звучал еще неприятней.

Хорошо. Теперь дело за мной.

Я вышла из мини-истребителя и направилась к спорщикам, на ходу снимая перчатки.

Поначалу восьмерка словно вообще ничего не заметила, продолжая браниться и бешено жестикулировать – по-

что каждый напоминал помесь живой мельницы с человеком, что пытается привлечь самолет с необитаемого острова. Я воспользовалась случаем, осторожно коснулась каждого гонщика – так задела: плечо, спину, волосы... Словно бы невзначай, мимоходом.

Ладно.

Чувства – это открытая дверь к отголоскам мыслей, фантазий и предположений. Сквозь взвинченные до предела эмоции недотеп-гонщиков я увидела случившееся как будто сама там побывала. В шкуре сразу нескольких существ обеих рас, наблюдая аварию со стороны каждого участника.

Это несложно. Самое сложное еще предстоит.

Землянки слишком разогнались, не справились с управлением и на полном ходу врезались в станхоек, аккуратно в злосчастный генератор силового поля. Инопланетницы, вместо того, чтобы уступить дорогу, пытались обогнать соперниц, опираясь на правила гонок о необходимой дистанции между судами и ограничительными линиями, и также оказались виноваты. Экипаж землянина и станха силился предотвратить катастрофу выбросом из силового генератора, способным раскидать корабли в разные стороны, но опоздал на считанные секунды. Не только не помог – но и ухудшил положение. Выброс пришелся на защитные «куполы» двух первых судов, и спасателя самоучку швырнуло на генератор силового поля, уже получивший мощный удар носом гоночного истребителя.

Следующий за ним корабль землянина собирался вырваться вперед, воспользоваться несчастьем и выиграть гонку. В результате, получил отдачу от взрыва и не смог выровнять курс, уйти в сторону. Незадачливого авантюриста закрутило и бросило на остальные суда по всем известному закону подлости. Уж что-что, а закон подлости никогда и нигде не подводит!

Итог – масштабная авария.

Кто виноват? Да все. Каждый по-своему.

Я настроилась на привычную работу. Хорры излучали особенную ауру или нечто подобное. Одним своим присутствием мы успокаивали и снижали градус агрессии. Хотя могли и повесить его.

На меня наконец-то обратили внимание. Шумная толпа гонщиков затихла, и я получила шанс вставить хоть слово. Хорошо. Растечься мыслью по древу мне позволят навряд ли – я ведь не селебрити и даже не дочь олигарха. Мой год работы стоит меньше, чем секунда труда родителей героев сегодняшней аварии. Значит, надо сосредоточиться на главном и сказать то, что всех утихомирит.

– Я понимаю, что станхи везде и всегда следуют протоколу. Имеют право обогнать – обгоняют и ждут, что все поступят аналогично. Подчинятся чьим-то каракулям на листке файла, что диктуют как действовать, что можно, а что нельзя. Земляне любят импровизацию, предпочитая уповать на волю случая и рассчитывать на лучшее. Поэтому оба кораб-

ля пытались лавировать тогда, когда станхи не стали бы этого делать. Вот и получилось то что получилось. Одни упрямылись, действовали на свой страх и риск, руководствуясь правилами гонок, а другие рискнули всем, чтобы просто выиграть. Думаю, никто не виноват. А самое главное – все выжили. Из той ситуации не всякий спасательный истребитель вытащил бы пострадавших. Уж поверьте, я в патруле оттрубила немало. Наш капитан совершил невозможное. Вы лишь чудом остались живы и целы. В девяноста девяти случаев из ста похожие катастрофы заканчивались тем, что служба космической уборки эвакуировала с места столкновения остатки... И не только судов, но и их владельцев. Так что давайте от всей души порадуемся удачному исходу дела. Еще немного – и мы здесь не разговаривали бы, а ваши родственники получили то, что можно только кремировать.

Гонщики зашумели, принялись объяснять друг другу то, что уже сказала я, только в своей интерпретации. Перевод с языка «пресмыкающихся» на язык «небожителей» занял некоторое время...

Неплохо. Остался последний удар. Получите и распишитесь.

– Мы можем закрыть дело, как аварию при обоюдной вине. Либо же начать расследование и здесь каждый получит свое. Первый корабль не дал достаточно места второму для нормального маневра и нарушил правила о дистанции между судами и разграничительными линиями гоночной трассы.

Второй, видя ситуацию, попытался пробиться, также нарушая правила техники безопасности. Третий слишком приблизился к генераторам силовых полей, которые уже пришли в столкновение в нарушение закона о безопасности судов в космосе. Четвертый сильно превысил скорость, допустимую для гонок, и поэтому не смог вовремя исполнить маневр или затормозить. Либо... мы расходимся по обоюдному согласию, либо в суде каждый из вас ответит по всей строгости закона.

Слава богу, в Союзе планет старались никому не делать поблажек. Даже если денег у тебя больше, чем звезд во Вселенной, а связи такие, что хоть на трон самовыдвигайся, закон есть закон. Он одинаков для всех. Разумеется, «строгий пиджак закона» для нынешних миллиардеров все-таки с воланами и рюшами. Камерой, больше похожей на элитную квартиру с удобствами, каких нет у многих свободных бедняков дома... Но, по крайней мере, заточение для денежных королей галактики тоже заточение, и срок назначался согласно проступку, а не в обратной пропорции количеству нулей на счете.

Несколько минут оживленных переговоров, переглядываний, красноречивых жестов и задумчивого молчания. Но я уже знала, что победила. Гонщики согласились на все, без дополнительных аргументов.

Скупые «Спасибо», «Передайте команде, что все отлично сработали», «Благодарим за спасение» разбавили ворчливые

«Это их работа, вообще-то», «Мы за это в налоги отчисляем», «Им платят за подобные операции»... И – мое любимое от императоров купюр и акций, возвращенных на молоке с золотой пылью. «Вообще-то могли хотя бы попытаться спасти корабли, они стоят целое состояние...»

Как только опасность для любимой тушки перестает маячить на горизонте, как и серьезные проблемы с законом, вспоминается то, что делает из селебрити и олигархов таковых. Универсальное мерило достатка, хорошей работы и качественных услуг. А для тех, у кого на счету в банке больше монет, чем волос на голове, даже считая приращенные-наращенные – еще и цена любого существа.

Я не стала отвечать на реплики. Мое дело сделано, а горбатого только могила исправит. Психология – не моя работа. Я в этом ничего не смыслю, да и не хочу разбираться.

Хорры постоянно купаются в эмоциях. Мы словно рабочие кондитерского цеха, которым разрешается есть все, что захочется. Вначале сладко, с кислинкой, с орехами, а потом все вкусоности сливаются в одну одинаковую массу. словно песок пережевываешь с примесью сахара.

Вот также и у нас происходит с эмоциями. Хорры стараются дистанцироваться, даже не пытаются их анализировать. Иначе – как минимум легкое безумие и сильное нервное истощение – гарантированы. Есть специалисты, психологи, психиатры – вот пусть они подобным и занимаются. Мы ничего не смыслим в проявлениях чувств, часто не заме-

чаем их в окружающих. Надо – восприняли, сквозь эмоции получили доступ к памяти – и наблюдаем собственно ситуацию. Не мнение участников, не их ощущения по поводу, а именно – то, что случилось в реальности. Большинство хорров с сильным даром порой не видят ни симпатий окружающих, ни даже подавленных признаков агрессии. Только при сильных проявлениях и замечают. Есть такой замечательный парадокс в нашей жизни. Мы чувствуем чужие эмоции как свои, но разбираемся в них не больше, чем компьютерная программа в чувствах пользователя.

Обычные люди часто подмечают признаки чувств, мы же – нет, да и, чего греха таить, не стараемся. Нам нравиться дистанцироваться, держаться подальше от чужих ощущений. И происходит это почти автоматически, порой сами за собой не замечаем. Увы, такова природа хорров.

Мы можем импульсом заставить успокоиться или, наоборот, вынудить разозлиться. Но не способны заставить себя хотя бы на секунду проанализировать чужие эмоции.

Словно работает какой-то инстинкт.

– Мне нравится, как вы это делаете, – послышался за плечом бархатистый голос Фента. Я аж вздрогнула и резко обернулась. Капитан высился неподалеку, сложив руки на груди, и смотрел также странно, как и в нашу первую встречу.

Я пожала плечами:

– Это моя работа.

И не дожидаясь ответа станха, неспешно зашагала в соб-

ственную каюту. За спиной Фент раздавал приказы своим патрульным. Этому увести виновников торжества в медицинские отсеки, чтобы прошли детальное обследование. Надо же убедиться, что у гонщиков нет отсроченных или незаметных снаружи травм, влияющих на здоровье. Тому составить протоколы, обозначить вину каждого, отправить отчеты в полицию и звездный патруль. Последний занимался авариями в космосе, как старая добрая дорожная полиция: выписывал штрафы за неосторожное вождение, лишал прав и эвакуировал суда нарушителей. Другому продублировать информацию в страховые компании, чтобы занялись обоюдными выплатами горе-Шумахерам ...

Истребители капитан распорядился отдать на проверку механикам и для автоматического сканирования. Убедиться, что во время операции ни одно судно не пострадало, ни одна система не дала сбой из-за массивного плазменного взрыва неподалеку. Отдача подобного могла навредить даже военным крейсерам, чья броня по сравнению с нашей все равно что панцирь черепахи рядом с рыбьей чешуей.

Фент все больше удивлял меня, даже ставил в тупик. Загадки, с ним связанные, только множились.

Неожиданная мягкая пластика для грузного инопланетника, какой я еще не видела, умение действовать в ситуациях, подобных сегодняшней. А ведь многие капитаны растерялись бы, не зная, что предпринять. Запросили консультацию с базы, у наших специалистов по взрывам силовых по-

лей и плазменных генераторов. И с большой вероятностью – опоздали бы с помощью, получив восемь трупов на руки и пополнив личное кладбище тех, кому не смогли помочь.

Фент сработал уверенно, четко и правильно. Единственно правильно, я бы сказала. Спасти «золотых гонщиков» иным способом не представлялось возможным. Выходит, опыта у командира немало. Или, по крайней мере, наблюдений за похожими ситуациями.

Но если прежде он не работал в патруле, откуда же такие навыки, сноровка, смекалка? Похожими могли похвастаться лишь самые опытные капитаны нашей службы. Хм... Загадочный он, этот станх.

Фент знал свое дело, не терялся, не мешкал и не упускал из виду ни единой мелочи. Меня не покидало ощущение, что капитан решал и не такие задачи, устранял куда более страшные катастрофы.

Станх напоминал не новичка в штате патруля, который суматошно доказывает, что достоин должности, особенно командира экипажа – он походил на взрослого, что разбирает детскую ссору в песочнице.

О как! Кто же он такой, в конце-то концов? И с каких станхийских небес на нас свалился? А главный вопрос – зачем? Зачем космолетчику, капитану, боевому офицеру такого уровня заниматься, по сути, мелкой для него работой в наших рядах? Это же все равно, что Версаче приехал бы пошить наряды на детский утренник в садике!

Уверена, Фент легко управился бы не только с десятком патрульных судов на задании – с армадой крейсеров в реальной военной операции.

Любой космофлот под руководством этого станха просто обречен на победу.

Не понимаю, почему его не назначили командующим всей базой на Эльвересте? Зачем специалисту уровня Фента «играть в куклы» на нашем истребителе?

Тем более, что он, похоже, не слишком любил «полевое общение», во всяком случае, не привык к нему.

Странный, нелюдимый, молчаливый и загадочный. Мрачноватый тип.

Подумай о нечистом – и вот же он, на пороге.

– Дежурство закончено. Пострадавших смутьянов везем на базу, – Фент застыл в дверном проеме, словно нарочно демонстрируя какой он большой – не пройдешь мимо. Внимательный взгляд с прищуром, чуть поджатые губы и это мое любимое – каменное выражение лица жертвы Медузы Горгоны.

– Спасибо, что проинформировали, – произнесла я, не зная что предпринять дальше. Фент кивнул, и я надеялась, что он уйдет, но капитан снова замер. Ни тпру, ни ну. Застыл в дверях, не моргая, не сглатывая и не говоря ни слова.

Пауза затянулась на несколько минут. Я присела в кресло и жестом пригласила гостя в противоположное. Фент не сдвинулся с места. Может, он робот и просто выключился...

Еще пара минут, показавшихся мне вечностью. Еще несколько неловких движений. Я зачем-то оправила форму на талии, проверила застежку на воротах и развела руками, давая знак станху, что не понимаю его.

Фент помолчал еще, внезапно двинулся навстречу, но в кресло так и не опустился.

– Я рассчитывал, что вы посетите вечеринку в «Лельвилле», на Эльвересте.

– Вечеринку? – удивилась я.

– Теперь вы член команды и приписаны к нашему экипажу. Я собираю всех в честь первого нашего общего дежурства со мной во главе. Как это называют земляне на вашем любимом языке? Представиться? Проставиться?

Я усмехнулась. Великий и могучий. Одна буква, а какая разница в смысле!

Стоп! Выходит, командир «сделал уроки» и выяснил – какой я национальности! На Земле кое-где еще практиковали русский, английский и пару других «полумертвых языков», но в космическом государстве, в основном, общались на новогалактическом. Искусственно созданный язык отвечал всем требованиям обеих рас в произношении, яркости и выразительности.

Не дождавшись ответа, Фент повторил вопрос:

– Так вы придете?

– То есть это вечеринка только для нашего экипажа? – вопросом на вопрос ответила я.

Фент заметил.

– Думал так отвечать считается невежливым, – то ли сетовал, то ли иронизировал. Я не поняла.

– А вы попробуйте прояснить, – настаивала я.

Между нами нагнеталось странное напряжение. Я чувствовала его кончиками пальцев. Это ощущение, словно от тебя чего-то хотят, но не готовы или не могут выразить словами. Это чувство, будто мы с Фентом нечто большее, чем просто капитан и член его команды – начальник и подчиненная. И вовсе не субординация виновна в том, что командир такой скованный, а я настолько смущенная.

Волнение окатило удушливой волной, сердце вдруг ускорило темп. Станх глотнул побольше воздуха и выдавил:

– Другие экипажи придут тоже. Поздравить меня с первым дежурством.

– Хорошо, я буду. Кстати, поздравляю! Лучше поздно, чем никогда!

Он как-то странно отреагировал. То ли хмыкнул, а то ли фыркнул. Еще постоял, вперившись неотрывно, будто нашел на моем лице точку и планировал закрутить балетные пируэты.

– Как у вас сейчас принято? – вдруг разразился вопросом Фент. – Мужчины сопровождают женщин на вечеринки? Заходят за ними в квартиры?

– У нас женщины сами по себе, если только не сошлись с кем-то из мужчин всерьез... Я хожу с подругами или с Дрей-

мором. Он тоже хорр и тоже служит.

По мере моего пояснения по лицу Фента словно прошла туча. Что его так расстроило, осталось загадкой. Но капитан крутанулся на пятках, бросил через плечо: «Значит, увидимся на вечеринке» – и выскочил вон, словно за ним гнались сотни чертей из преисподней, вооруженные вилами и раскаленными сковородками.

Глава 2

На Эльверест мы вернулись быстро.

Виновников аварии на космической трассе отправили разбираться с местными властями в специальном закрытом автобусе, прямо из истребителя. Таким транспортом снабжали все патрульные суда.

И вот что мне еще во всем этом очень нравилось. Наша база располагалась на Земле и доставляли нарушителей-пострадавших тоже сюда. Дальше их могли транспортировать на другую планету, в колонию или даже на Станхию по решению местной полиции или врачей. Все зависело от ситуации. Требовалась ли уникальная медицинская помощь: специалисты, которые есть только на определенной планете, аппаратура или нечто еще, вскрывались ли, так называемые, «особые обстоятельства». Термин объединял самые разные случаи. Наши «клиенты» могли работать в руководстве планет или даже Союза, принадлежать к аристократии Станхии, находиться в розыске за какие-то преступления и так далее и тому подобное...

Во всех остальных ситуациях, дело разбиралось на общих основаниях, даже если спасенные принадлежали к «золотому фонду молодежи с Нурколлы».

Я покидала корабль под пристальным взглядом Фента, который остановился у трапа и наблюдал в знакомом, непонят-

ном оцепенении.

От этого становилось все больше не по себе и одновременно опять вспыхивало волнение.

Я заторопилась по оранжевому ангару, серебристым коридорам, пока не приблизилась к своему общежитию.

Моя комната соседствовала с жилищем еще одной хорки – Элеоноры. Черненькая, кудрявая, живая и непосредственная она всегда очень мне нравилась. Не успела переодеться в алое платье с глубокими вырезами по бокам, распустить и расчесать волосы, как соседка настойчиво постучалась в своей манере. Три частых стука подряд и еще два пореже. Я как раз закончила смазывать открытые ноги гелем, чтобы случайно не коснуться кожи другого патрульного.

– Входи! – предложила приятельнице.

Эля заскочила в просторную прихожую и привычно сбросила лодочки на каблуках. Вбежала в гостиную, где я рассматривала себя в зеркале и запрыгнула на широкую постель, рассчитанную видимо и на то, чтобы некоторые водили ночных гостей.

Мебель в общежитии делалась на все случаи жизни.

Гардероб из темного дерева раскинулся почти на всю стену, и половина ящичков пустовала. В коридоре остались две тумбочки и две табуретки.

Гостиную и кухню снабдили большими столами все из того же темного дерева и высокими стульями, в которых даже станх устроился бы со всеми удобствами.

Синие половички под ногами, с восточным узором гармонировали с голубыми стенами. В ванной располагалась душевая и гигантская посуда, иначе и не назовешь, можно вчетвером помыться.

В белых пластиковых шкафчиках уборной уместилась бы косметика пяти женщин, как минимум.

Эля определенно собиралась оторваться на вечеринке. Короткие кожаные шортики, топик, что открывает плоский живот, декольте почти до сосков высокой большой груди и вечерний макияж как бы намекали...

Представляю сколько времени ушло у подруги, чтобы покрыть изолирующим гелем такую площадь тела! Красота требует жертв, а соблазнительность даже не требует, забирает без спроса. Так говаривала одна хорка из нашей службы. Обязательные перчатки – черные, как и весь костюм Эли – очень украшали изящные руки девушки, придавали ей какого-то аристократизма и романтичности.

Я ничуть не удивилась, что приятельница уже в курсе вечеринки. Пока собиралась, по местным компьютерам связи пробежало сообщение о том, что «новый капитан нашего доблестного патруля, станх Фент Бро приглашает всех на вечеринку в «Лельвиль». Предлагает разделить с ним радость поступления на службу». Ничего особенного. Так принято. Либо зовешь только свою команду, либо всех обитателей станции: от военных до корабельных механиков. Разве что автопилоты оставались за бортом... вернее на борту кораб-

лей.

– А ты ничего, когда не строишь из себя недотрогу, – ре-
зюмировала подруга, оценив мое преображение.

– Идем? – уточнила я.

– Ага! – соседка аж подпрыгнула.

Мы с Элей отправились в другую часть станции на Эльве-
ресте, где базировался самый шикарный, большой и помпез-
ный ночной клуб и ресторан в одном флаконе. «Лельвиль»,
названный в честь какого-то города Станхии.

Серебристые коридоры станции сменились ярко-оранже-
выми, что мерцали в белесом свете потолочных панелей.
Ага... Развлекательная часть Эльвереста.

Время от времени в просторный коридор врывались зву-
ки. Голосистые певцы выводили мелодии, гроыхали ор-
кестры, нестройно пели караоке местные... Стихало все в
мгновение ока. Изоляцию тут предусмотрели что надо, и
звуки прорывались из заведений только в момент, когда их
покидали гости или новые страждущие рвались зачерпнуть
развлечения полной чашей.

Двери в клубы, рестораны, казино выглядели одинаково.
Высокие, белые с мерцающим оранжевым ободком.

Местные по дороге попадались редко – еще не самое жар-
кое время для развлечений. Обычно тут не протолкнуться
ближе к полуночи. Мужчины окидывали нас жадными взгля-
дами, некоторые даже притормаживали, но мы четко давали
понять, что в знакомстве не заинтересованы – резко прибав-

ляли скорости. Пару раз нас пытались остановить и даже на ходу завести беседу – ничего не попишешь, адреналиновые и тестостероновые мужчины, других в патруле не держат. А такие не сразу воспринимают отказ всерьез, на костюмы, подобные нашим, реагируют как самцы на течку. Но я делала резкий жест, а Эля презрительно фыркала.

Военные! Тяжко им без женского внимания... Даже тут, на Эльвересте, где можно найти спутницу из эскорта, девушку легкого поведения... Все бы им порядочную подавай, но на одну ночь и без последствий. Альфа-самцы, куда же деваться? Другие не пойдут на такую работу. Только подобные бочки тестостерона, для которых опасность – главная специя в пресном блюде гражданской жизни.

Впрочем, дисциплина среди местных всегда восхищала меня. Разве что Влад иногда позволял себе лишнего. Другие же патрульные – никогда на моей памяти. Пара резких слов, однозначных жестов или просто ускоренный шаг – и мужчины прекращали преследование.

Настоящий альфа-самец – не тот, кто способен принудить женщину, а тот, кто остановится вовремя. Сильный мужчина не тот, кто поборол сопротивление дамы, а тот, кто нашел в себе силы побороть плотские порывы, проявив уважение к девушке.

В патруле это отлично знали или быстро учились.
– Слышала про экипаж Шабрина? – прервала затянувшееся молчание Эля. Я вскинула глаза на подругу. Ходили слу-

хи, что члены экипажа Марата Шабрина передрались ни с того ни с сего. Люди и станхи, что много лет находили общий язык, не без помощи хорров, естественно, внезапно словно с цепи сорвались. Вроде бы ситуацию разрушили три хорра и... один медик, который вколол самым буйным успокоительное. Хорры уверяли, что вспышка агрессии, неприятия другой расы возникла без видимой на то причины. Словно из ничего. У таких непохожих рас разногласия появлялись часто, но всегда, как правило, по важным причинам. Либо земляне торопились проявить смекалку в бою, а станхи требовали дисциплины и действий по намеченному плану. Либо станхи не предпринимали нужных, по мнению людей, мер из-за слепой веры в устав и план операции. Всегда, как ни крути, находилась причина. И не просто банальный повод – расхождение во мнениях в ситуации, от разрешения которой зависели жизни подопечных или самого экипажа.

Я слышала про экипаж Шабрина краем уха и вроде бы все там уладили. Но время от времени всплывали подробности.

Например, о том, что незадолго до неприятностей, экипаж побывал на границе между Галактиками. Некоторые суеверные люди и инопланетники считали это место едва ли не проклятым. Думали, что сочленение земной и станхийской Вселенной притягивает беды и создает проклятья.

Но я ни во что такое не верила. Всему и всегда есть надежное, рациональное объяснение. Если граница повлияла на экипаж, то уж точно не магическим способом.

Эля открыла дверь в «Лельвилль» и мы шагнули в гигантский клуб. Стены, пол и потолок светились голубоватым, барная стойка – розовым. Время от времени по стенам стекали пестрые струйки, словно откуда-то падали конфетти.

Столики и кресла из гелиевого пластика, что принимали форму тела, слабо мерцали всеми цветами радуги.

Команда Фента присутствовала почти в полном составе. Даже Влад щурился в мою сторону из угла, но под пристальным взглядом капитана особо не дергался. Хватило острых ощущений там, в коридоре.

Фент застыл возле барной стойки с зеленым станхийским коктейлем в руке. Мужчины так и остались в форме, которая лишь подчеркивала их мужественность и притягивала женские взгляды. Девушки принарядились на ярмарку тщеславия каждая в меру своей нескромности. На некоторых платье еще и поискать требовалось. Многие женщины косились на Фента, шепотом обсуждали его, улыбались и кокетничали.

Ничего удивительного! Среди первых красавцев станции новый капитан определенно выделялся в лучшую сторону. Всем хорош: и лицом, и фигурой, но даже не это главное – главное, что Фент излучал ту самую мужественность, спокойную и незыблемую силу, которая так привлекает слабый пол.

Капитан же почему-то следил только за мной, оценивал каждый шаг и смущал, прямо-таки деморализовывал.

Вечеринка проходила в обычной для Эльвереста обста-

новке.

Земляне веселились кто во что горазд: много не пили, но громко разговаривали, смеялись и флиртовали. Станхи держали дистанцию, и напоминали аристократов на вечеринке для нуворишей. Вели негромкие и чинные беседы, почти не жестикулировали, дам обхаживали, но все в пределах разумного. Сладкие парочки – те, что уже встречались, выглядели одинаково, не зависимо от расы. Разместились особняком, шептались, обменивались касаниями, пробовали еду друг друга, даже если приходилось принимать адаптанты. Все как обычно, ничего нового...

Мы с Элей устроились за столиком, когда навстречу устремился Дреймор – знакомый хорр. Если вы видели сказочных принцев с черными кудрями и зелеными глазами – значит представите, как выглядел парень. Красивые, тонкие черты, фигура гимнаста, улыбка фотомодели.

– Привет девушки! – обрадовался Дреймор, подсаживаясь за наш столик. По его щелчку официантка – высокая землянка, спортивного телосложения в черном топике и шортах – форме obsługi «Лельвиля» – подскочила с дежурным приветствием.

Дреймор заказал нам с Элей пиццу «три сыра» – нашу любимую, надо же, помнит, себе пасту с морепродуктами и кивнул в сторону Фента. Капитан неувовимо изменился в лице. Еще недавно он смотрел изучающе, словно пытался понять, что кроется в моих мыслях, теперь же, чудилось – еще

немного и мы вместе со столиком вспыхнем синим пламенем.

Но с места станх не сдвинулся, и даже позу не поменял, разве что мускулы его массивного тела буквально бугрились.

– Смотрю у нас станхийское пополнение, – кивнул в сторону Фента Дреймор. – Вы в курсе, что он из самых высокородных?

– Серьезно? – поразилась Эля. – И что он тут делает?

– А вот черт его знает. Такие на Земле не служат, даже не прилетают погостить. А этот...

Я наклонилась к Дреймору и стараясь не смотреть на Фента, спросила на ухо:

– Почему он так двигается? Как будто родился на Земле. Видно же, что весит больше наших мужчин...

Хорр хитро прищурился и ответил одними губами:

– Высокородные там тренируются, чтобы ощущать себя хорошо при разной гравитации. Но этот, думаю, потратил не меньше нескольких месяцев на адаптацию к Земным условиям.

Я вскинула брови. Эля, которая ничего не расслышала, покосилась на меня, на Дреймора и пожала плечами. Словно говорила: «А мне все равно».

– Он красавчик, – ни с того, ни с сего сообщила хорка и загадочно хмыкнула. – Леся, а ты заметила, как он смотрит на тебя? Пожирает взглядом прямо-таки!

Я аж дернулась от замечания.

– Мы просто немного пообщались сегодня... Кажется, я впечатлила его своей работой, – пока я отвечала, Фент поменял позу и слегка прищурился, словно понял, о ком мы болтаем. Стало как-то неудобно, даже кончики ушей загорелись.

Эля совершенно не беспокоилась за реакцию станха.

– Ага! Впечатлила... Работой... – беспечно рассмеялась подруга, слегка пихнув Дреймора в плечо.

Тот улыбнулся и предложил:

– Леся, если нужно, я скажу, что ты моя девушка. Если помнишь, я тебе уже предлагал.

На секунду наши взгляды соединились. Да, когда-то давно, на заре нашего знакомства, Дреймор хотел чего-то большего, да и я раздумывала, но потом общение переросло в крепкую дружбу. Я слишком комфортно чувствовала себя рядом с хорром, чтобы променять тепло дружеской связи на вспышку страсти с неведомым продолжением. Непринужденность приятельского общения, легкость разговоров о сокровенном канут в Лету, а что взамен? Кто знает... Я решила, и менять собственное решение не планировала.

Дреймор понял без слов.

Хотел что-то ответить, но вернулась официантка. Широко улыбнулась приятелю – любят землянки станхов и хорров. Видимо потому, что те неземные... Тянет наших девушек на экзотику.

Пицца пахла сыром и специями. С тонких ломтиков стекало густое масло. Мы с Элей на некоторое время занялись

трапезой. Дреймор тоже отдал должное блюду с креветками и мидиями, которых я ненавидела. Помнится, на заре наших отношений, всегда выковыривала улиток и отдавала спутнику.

Какое-то время мы не думали о Фенте. Трапезничали, улыбались и отдыхали. Работа хорров выглядит легкой и не суетливой лишь со стороны. Мы тратим очень много энергии хотя бы на чтение эмоций и на аурное успокоение «клиентов». Да и нервы временами требуются железные. Дабы в склоке, где каждый оскорбляет других, порой задевая и твои интересы, убеждения и представления о нормах поведения, оставаться нейтральной и беспристрастной. Разбираться – кто прав, а кто виноват должен суд, разводить всех по углам – обязанности полиции. Помогать другим избавиться от стресса и привести нервы в порядок – работа психолога. Мы же входим в горячие воды конфликта, стараясь не обжечься и потушить пожар хотя бы на время, если речь об экипажах спасательных судов – желательно на все дежурство.

Попробуй-ка разгребти раскаленные угли руками и не получи опасных ожогов... Эмоции, кстати, порой опаляют. Почти физически чувствуешь, как они жгут и оставляют следы в энергетике. Надо терпеть, сохранять спокойствие, сдерживать собственные порывы и чувства. Скоро станем как замороженные рыбы, как станхи...

В общем, расслабиться после дежурства – самое оно.

Когда мы с Элей насытились, Дреймор улыбнулся и потя-

нул меня за руку на импровизированный танцпол. Желаящие «потрясти костями», как выражалась приятельница, уже двигались в центре зала, свободном от столиков.

Земляне совершенно не стеснялись в выражении танцевальных эмоций – им раскованности не занимать. Кто-то жутко напоминал робота, у которого временами заедает механизм, кто-то – злополучного электрика, что приплясывает на оголенном проводе, а кто-то двигался более-менее пластично. Станхи либо не танцевали вовсе, либо демонстрировали своеобразную грацию. Большинство плясали прерывисто, но неизменно попадали в такт и каждое «па» исполняли эффектно. Брейк, латина, твист и многое другое получалось у инопланетников довольно неплохо, собственные виды танцев – тоже.

Большинство женщин двигались грациозно, по крайней мере, достаточно соблазнительно. Хорошая спортивная подготовка служащих патруля, девичья гибкость делали свое дело.

Краем глаза я заметила, как Фент дернулся, словно хотел препятствовать нам с Дреймором, но все-таки остался на месте. Некоторое время мы, что называется, «отрывались». Плясали в паре и просто рядом, синхронно танцевали быстрые танцы и плавно двигались в обнимку под медленные.

Эля извивалась рядом с Дангуром. Один из любимчиков женщин станции «подыгрывал», но ухаживал сразу за несколькими. Дангур прослыл своей обходительностью, но

остепеняться пока не планировал. Женское внимание принимал с удовольствием, отвечал комплиментами, заигрываниями, ухаживаниями, но дальше заходил крайне редко. Никого не обманывал ложными обещаниями – сразу говорил, что отношения временные. Но уж если и встречался с девушкой – то обходился с ней как с королевой. За это парня любили и уважали, и даже оставленные Дангуром женщины поддерживали с ним дружеские отношения.

Фент не сводил с меня глаз, не двигался и казалось все больше мрачнел.

Он не хмурился, не поджимал губы, не выпячивал упрямый подбородок, но с каждой минутой выглядел все более злым и раздраженным.

Наконец, когда заиграл вальс, и мы с Дреймором закружились в танце, Фент сорвался с места, в секунду пересек помещение и выскочил вон...

Дверь ударилась о косяк так, что звук перекрыл музыку и отлетела обратно почти до стены.

Большинство присутствующих в «Лельвиле» обернулись на звук с удивлением. Кто-то так и остался смотреть, будто в ожидании второго акта, кто-то вернулся к веселью, хотя виновник торжества исчез с поля зрения.

Впрочем, «приглашающая сторона» не всегда оставалась до последнего гостя. Открывала неограниченный счет на угощения и уходила, когда потребуется. Поэтому разыскивать Фента никто не планировал.

– Не знала, что эти двери могут так хлопнуть, – прокомментировала подруга. – Надеюсь, ничего не сломалось...

Охранник-землянин в ярко-зеленом комбинезоне со значком на груди, где символически пересекались щит и меч,отреагировал мгновенно. Приблизился к злосчастному прямоугольнику из металла, проверил его целостность и вернулся на место...

Сломай командир дверь, его не наказали бы – всякое случалось с патрульными после тяжелых трудовых будней. Порой и нервы сдавали, и силу не удавалось рассчитывать. Но возместить ущерб ресторану пришлось бы...

Впрочем, судя по происхождению Фента, вряд ли его заботили подобные мелочи...

...Мы с Элей и Дреймором веселились еще некоторое время. Танцевали, возвращались за столик, ели, пили и снова пускались в пляс. Наконец, мы с приятельницей решили, что пора бы и честь знать. Завтра дежурство, и следует привести себя в порядок. Отдохнуть, набраться энергии, морально подготовиться погружаться в чужие эмоции, наконец...

Дреймор проводил нас к дверям... Мы с Элей вышли и... едва на напоролась на Фента. Станх подпирал плечом стену и казался каменным изваянием на серебристом фоне. Не знаю, что тогда нашло на меня, зачем и почему я решила обратиться к капитану. Словно чертик нашептал на ухо.

Но я приблизилась к Фенту, пока тот неотрывно следил за каждым моим движением.

– Почему вы ушли с собственной вечеринки? Неужели не понравился наш танец с Дреймором? – даже не знаю, что именно подначивало меня задать этот вопрос. Фент выглядел суровым и озадаченным, смотрел исподлобья и молча теребил опустевший бокал из-под выпивки. Казалось, еще немного – и тот расколется. Эля застыла неподалеку и наблюдала за нами с Фентом так, будто просматривала мелодраму про случайных любовников, в ожидании: признаются или разойдутся.

Станх стиснул бокал так, что по стеклу поползли трещины и только тогда опомнился – посмотрел на свою руку, что сжимала бедный сосуд.

– Если вы затрудняетесь с ответом, то мы, пожалуй, пойдем домой? – я устремилась по коридору и внезапно столкнулась с каменным торсом Фента. Он загородил дорогу, а я врезалась в станха на полном ходу.

Фент придержал, с какой-то странной нежностью коснулся талии – так прикасаются к невероятно дорогому, близкому существу. Секунду станх медлил, переминался с ноги на ногу и чуть сдвинулся в сторону – теперь я касалась лишь его горячего бока. Может, так у них заведено? Станный он и такой напряженный... Казалось, на теле Фента не осталось ни одного расслабленного мускула.

– Эм... Вы меня пропустите? Или еще помолчим? – вскинула я глаза на лицо станха. Тот кривовато улыбнулся, сверкнул изумрудными глазами и вдруг произнес:

– Мне не понравилось, как вы танцевали.

Хм... То ли он слегка тормоз, то ли одно из двух. Так и захотелось вставить шпильку станху. Вообще-то об этом я спрашивала его несколько минут назад. А последним и актуальным вопросом стал – «вы пропустите меня?».

Судя по всему – нет. Фент и не собирался освободить дорогу, а ладонь его продолжала придерживать меня за талию и нагреваться.

Станх прочистил горло и пояснил:

– Я бы станцевал с вами лучше!

Не то чтобы он хвастался, не заметила я ни бравады, ни эдакого синдрома истинного мачо, который слишком в себе уверен. Но доля вызова в словах Фента прозвучала.

Внезапно Эля подошла к нам, распахнула дверь «Лельвилля» и заявила:

– Я хочу это увидеть! Продемонстрируйте, капитан Фент!

Станх продолжал молчать и смотреть мне в лицо, словно подруги и вовсе тут не было.

– Так покажете, как это лучше или же нет? – не обиделась Эля. – Я бы не против оценить и даже баллы выставить.

Фент наконец-то к ней обернулся.

– Если Олеся не против, – его глаза опять буравили мое лицо. – Я готов хоть сейчас.

– Идем, – сдалась я – сама ведь кашу заварила. Кто меня за язык-то тянул? Стоял себе мужчина, никого не трогал, пытался прожечь взглядом стену, стремился раздавить руками

бокал, а тут я и со своими вопросами.

Фент рванул в заведение так, словно за ним гнались и потянул меня следом. Первые несколько шагов он почти нес меня, причем одной только рукой. Да так естественно, будто всегда только и делал, что таскал землянок, как продавец модного бутика пластиковые манекены.

Одно легкое, небрежное движение – и Ратвилл – низко-родный станх из команды Фента рванул в сторону управления микрокомпьютером, спрятанного под потолком зала.

Музыка заполнила пространство, зазвенела в каждой его частичке, пронзила и унесла за собой. Какой-то станхийский вальс, как называли их на Земле. Не успела опомниться, как понеслась на волнах танца. Каждое незнакомое движение давалось легко и без всяких усилий. Фент умудрялся вести так, что я почти не касалась пола и двигалась, повинуюсь его движениям, так в такт, рука к руке.

Я еще никогда так себя не чувствовала. Напоминало полет на старом-добром парашюте, когда до земли бесконечно далеко и чудится – за спиной крылья, а ветер ласкает и массирует тело.

Ты свободен. Нет ни преград, ни запретов. Схлынули зыбучие пески страха перед осуждением общества, сброшены кандалы злословия и человеческой подлости, оставлены далеко любые чужие претензии. Ты – только ты и все тебе подвластно.

Так ощущала я себя в объятиях Фента, а он не отпускал –

кружил, разворачивал, двигался. Напряженный, горячий обжигал тяжелым дыханием и не останавливался слишком долго. Я потеряла счет минутам и часам. Одна мелодия сменяла другую, один танец – сменял другой. Резкие движения и повороты превращались в плавные махи и скользящие па, быстрые и ритмичные шаги приходили на смену томным и почти ленивым.

Я забыла, что вокруг сотни служащих патруля, официанты, Дреймор, подруга, наконец. Я забыла обо всем. Фент смотрел, чуть улыбался, словно понимал мои эмоции и продолжал двигаться.

Когда усталость потяжелела мои мышцы, станх внезапно остановился. Как догадался? Черт его знает. Только капитан взял под руку, и мы подошли к ошарашенной Эле, что вернулась за столик.

– Вот теперь уж точно пора домой, – сообщила я, потому что подруга лишь смотрела и даже не моргала.

Фент покосился и придержал за локоть.

– Я провожу. Завтра у нас дежурство. Позволю себе зайти за вами до смены? Мы можем вместе провериться в лаборатории...

Я замотала головой. Даже не знаю почему. Предложение казалось заманчивым, но меня смущало общество капитана и особенно то, что я совершенно не понимала его. Мотивы инопланетника, его загадочное прошлое, причины, по которым станх его происхождения вдруг решил поработать сре-

ди простолюдинов. Все это представлялось одной сплошной интригой и прежде чем разрешить Фенту вторгаться в мою жизнь, стоило разобраться с вопросами.

Капитану мой ответ совсем не понравился. Он нахмурился, и вдруг показал эмоции – на долю секунды, поморщился, отвел взгляд, но быстро окаменел снова.

– Хорошо, я провожу вас до комнаты. А завтра... встретимся в лаборатории. Если повезет... Похоже, мы оба – ранние пташки...

Он собирался добавить что-то еще, возможно, спросить или уточнить. Открыл рот и замер, подхватил меня под руку и двинулся на выход.

Я взглядом попрощалась с Дреймором, парень подмигнул, вздохнул и отправился к бару.

Глава 3

Я даже не успела ничего сказать Эле, предложить ей отправиться с нами – приятельница ведь давно собиралась покинуть вечеринку. Мы с Фентом двигались по коридорам, назад, в общежитие, нога в ногу, на удивление синхронно. То ли станх под меня подстраивался, то ли я после танца поймала ритм его широких шагов. Эля догнала чуть позже, но держалась за спинами.

Коридоры еще выглядели пустовато. Гости развлекательного центра либо ушли раньше, чтобы выспаться перед сменной, либо остались до утра, благодаря грядущему выходному. Редкие встречные станхи почему-то почти кланялись Фенту, он же лишь небрежно кивал и двигался дальше. Хм... интересно.

Впервые я видела подобную реакцию даже на аристократа-инопланетника.

Станхи из команды Фента особо не церемонились, вели себя с ним как с обычным капитаном: вежливо, предусмотрительно, исполнительно и корректно. Не больше, не меньше. Вполне в духе членов экипажа этой расы.

На вечеринке большинство действовали также. Зато здесь казалось, мой спутник – представитель правящей династии. Фенту явно не нравилось излишнее подобострастие сородичей. Он хмурился, суровел, но продолжал отвечать на при-

ветствия.

Как я и ожидала, шли мы в гробовой тишине. Я почти привыкла к тому, что рядом с Фентом приходится хранить молчание, а каждая его фраза требует продолжения, но не получает его. Внезапно капитан притормозил, сбавил шаг и спросил:

– Вам понравилось танцевать? Эм... со мной.

Я взгляделась в лицо капитана. Обычная маска спокойствия и сосредоточенности. Ладно. Отвечу.

– Было неплохо.

– Лучше, чем с Дреймором или же хуже? – в голосе Фента прорезались настойчивые нотки.

Сзади будто случайно громко закашлялась Эля. Я поняла намек подруги, но ответила все так же нейтрально.

– С каждым мне было хорошо по-своему. Вы замечательно ведете и танцуете великолепно. Лучшего по мастерству партнера я еще не встречала. А с Дреймором... с ним мне проще общаться. Я понимаю его, и мы на одной волне.

По лицу Фента прошла тень, желваки прокатились по заострившимся скулам. Капитан будто инстинктивно прибавил шагу, помолчал, глядя вперед, снова повернулся и уточнил:

– На одной волне? Это что-то из метафор о море?

– Как бы это сказать... Понимаем друг друга без слов. Ощущаем, кому и что понравится. Нам легко в обществе друг друга. Иной раз предугадываем желания, иной раз чув-

ствуем в унисон.

Мои пояснения не успокоили Фента, скорее уж наоборот, он дернул плечом, слегка поджал губы и выпалил:

– Это преимущество долгого знакомства. Почему вы так его выделяете?

– Вы спросили, и я ответила, – отрезала я. Скорее потому, что беседа потекла в странном русле. Я не очень понимала реакцию спутника, Эля отчаянно подкашливала, словно в горле першило, а Фент выглядел недовольным донельзя. Стереть это выражение с лица полностью у него так и не вышло. То капитан снова казался каменным истуканом, равнодушным к любым внешним обстоятельствам, то опять начинал хмуриться.

Диалог так и не продолжился. Мы добрались до моей комнаты, Эля юркнула к себе, заговорщически пообещав забежать перед сном «попить чаю».

Мы с Фентом остановились возле двери. Одни, в просторном коридоре. Капитан приблизился, медленно, будто проверял – какотреагирую. Еще немного и еще. Пока между нашими телами не осталось ничтожно малое расстояние, а шумное дыхание станха не коснулось моего лба.

– Я могу танцевать лучше, Олесья. И дольше. Если бы я больше знал вас лично, а не только заочно, то, уверен, сумел бы затмить Дреймора.

Он помолчал, подумал, и я уже понимала – продолжения не дожждаться.

– Спокойной ночи, до встречи завтра на дежурстве, – капитан не ушел, лишь указал рукой на дверь.

– Спокойной ночи.

Я вошла в комнату, ощущая, что Фент по-прежнему стоит на месте, смотрит и что-то там изучает.

Душ взбудрил и успокоил ноющие мышцы. Как оказалось, танец со станхом – то еще испытание на выносливость. Но самое любопытное, раньше я этого не чувствовала.

Махровый халат на голое тело, немного геля с алое для лица – и жизнь кажется легче.

Я вышла из ванной и обнаружила Элю, что опять устроилась на моей постели. Приятельница привезла передвижной столик с крепким чаем и сухофруктами. Нежными сушеными яблоками, медовыми финиками, приторно-сладким инжиром, кружочками апельсина в корочке. Из всего предложенного я любила только их.

Я уселась на кровати по-турецки, сжала руками белую чашку, откусила кусочек сушеного апельсина и вопросительно взглянула на приятельницу. Понятное дело – она не просто так устроила перекус на сон грядущий.

Эля глотнула чаю и спросила:

– Он тебе нравится?

Я опешила от прямого вопроса.

– Фент? Капитан? – только и смогла выдавить.

– Мгу, – подтвердила Эля, запихивая в рот финик без косточки.

– Он странный. Почему он должен мне нравиться?

– Всем очевидно, что он запал на тебя. А как танцевал? Как пожирал глазами? Он уже приглашал тебя в гости на Станхию?

– Ну ты и выдумщица! – рассмеялась я, понимая, что со стороны, вероятно наше общение с Фентом выглядело несколько иначе, нежели изнутри. – Мы просто потанцевали и то лишь потому, что капитану захотелось продемонстрировать свои умения. Показать, что он лучший во всем. А не только в управлении истребителем и раздуливании космических катастроф.

– Значит, еще не приглашал, – сделала вывод Эля. – Ну так он тебе нравится?

– Эля! Да как он может мне нравиться или не нравиться, если мы от силы парой слов перемолвились! – возмутилась я то ли допросу, то ли самой идее, что станх нашел путь к моему сердцу. – Я его совсем не знаю.

– А чего тут знать? Красивый, умный, серьезный. Единственный высокородный станх среди всех патрульных! Ни на одну женщину, кроме тебя даже не взглянул. Это они в нем дырки прожигали. Ты, может, и не заметила, не до того было! – приятельница хитро подмигнула. – А вот я видела: станхийки и землянки с Фента глаз не сводили! Танцует он шикарно, пьет мало, до дома проводил. Я просто не понимаю, чего еще тебе нужно?

– Узнать, чем интересуется мужчина, какие у него планы

на будущее, какие привычки, что пришли из прошлого, какие взгляды и убеждения...

Пока я перечисляла Эля все больше куксилась.

– Пфф... То же мне романтика! Взгляды, убеждения, привычки... Ты бы еще в постели о политике заговорила. Скучная ты, Леся. Странная и нездешняя. На тебя весь вечер пялится шикарный мужик. Потом танцует так, что даже у меня дух перехватывает. Потом провожает домой. Причем, меня он даже не заметил. Встань я на вашем – прошелся бы по телу. А ты о каких-то там убеждениях...

Я отмахнулась от подруги и запила несогласие чаем. Падкая на внешний лоск и загадочность, Эля всегда слыла романтиком, влюблялась бездумно и безоглядно. Ее романы зачастую заканчивались крахом. То парочка не сходилась характером – причем так, что слышали почти все на станции, не смотря на звукоизоляцию, то мужчина слишком много требовал, то выяснялось, что он бабник. Подруга никогда не старалась вначале узнать кавалера, а уж затем начинать с ним встречаться. Ей хватало нескольких взглядов, этой средневековой игры во флирт, подросткового восхищения внешностью и детского восторга от ухаживаний.

Я же слишком долго ждала своего мужчину, чтобы соблазниться широкими плечами, крепкими ягодицами и благородным лицом. Признаюсь, Фент заинтересовал меня, своей таинственностью и необычностью, привлекательностью и основательностью. Обстоятельства его появления в патруле

тоже выглядели очень загадочными. Но я относилась к капитану слегка настороженно. И то, что Эля воспринимала как романтику, у меня вызывало массу вопросов.

Как Фента занесло в наши пенаты? Почему он наблюдал за мной? Чудилось – он увидел меня утром далеко не впервые. Может, нарочно искал в лаборатории? Мелькали мысли о том, что наша встреча была не случайной...

Даже не знаю почему появилось это ощущение. Но оно все усиливалось. Будто Фент знал меня заочно, пытался предсказать реакцию, искал способ воздействия.

Физически я ему очень нравилась. Такие вещи женщина сразу чувствует. Тем более, танцуя с мужчиной в обнимку, тело к телу, когда никакой реакции плоти не скрыть, в принципе. Но разве же дело в этом?

Я давно не искала партнеров для секса. Хотелось близости, настоящей, духовной. Хотелось рассказывать мужчине о своих горестях и ощущать, как их становится меньше, просто благодаря ласковому слову, настоящему, участливому отношению, а не делиться нейтральными новостями как прелюдией к удовлетворению.

Хотелось просыпаться рядом с тем, кто любит твоим еще сонным видом, потягиваниями, смотрит в глаза, а не только на «прелести». Готов подставить плечо, когда совсем тяжело или плохо.

Я свыклась со своим одиночеством. Хорры привыкают к изоляции быстро. Люди побаиваются наших способностей.

Мужчины сторонятся – вдруг прочтем все мысли, эмоции, порывы, женщины обходят за три версты – не дай бог коснемся...

С себе подобными общение облегалось. Не зря я так привязалась к Дреймору, столько времени проводила с Элей, хотя мы такие разные. Хорры не могли читать друг друга, и это здорово упрощало отношения.

Так приятно просто коснуться чужой кожи: теплой или прохладной, обветренной или гладкой, просто пожать чью-то руку, без заслонки в виде плотного слоя ткани.

Внезапно наш с Элей содержательный диалог прервал ужасный шум в коридоре. Вначале включилась сигнализация – эдакая сирена, вроде старой сирены скорой помощи загремела на все общежитие. Затем послышались возня, голоса, споры...

Мы, не сговариваясь, натянули перчатки и рванули наружу.

По коридору быстро сновали военные. Причем не только наши товарищи патрульные, капитаны и медработники станции, но еще охрана и ребята из службы безопасности. Напрашивался неутешительный вывод, что случилось нечто изрядное. Направление, куда все бежали, вычислять не требовалось – толпа четко неслась в мужскую часть общежития, где селились, в основном, «боевики» экипажей.

Каждый патрульный выполнял собственную функцию. Одни мастерски вели корабли к цели, отвечали за стыков-

ку, а при необходимости – стрельбу плазмой и лазером. Другие следили за траекториями истребителей, филигранно обращались с автопилотами, наблюдали за работой всех систем и отсеков, а некоторые – еще и самой станции. Третьи участвовали в поисковых миссиях, четвертых брали ради защиты или сражения.

Последних селили в отдельной части общежития, где находился спортзал для поддержания формы, и даже тир для тренировки с боевым оружием. Остальные патрульные навещались туда также, но почему-то предполагалось, что боевикам подобное соседство куда важнее.

И вот именно в этой части общежития случилось некое происшествие.

С одной стороны, открытие немного успокаивало: что бы ни стряслось с нашими вояками, уж кто-кто, а они разберутся и справятся.

С другой – боевики – главная сила станции на Эльвересте и потеря их грозила проблемами, оголяла нашу оборону и ставила под удар других патрульных...

Ладно... не будем делать скороспелые выводы, посмотрим, что же там такое приключилось. Возможно, все тревожения напрасны...

Мы с Элей добрались до нужного места в потоке сослуживцев, по большей части мужчин, на ходу здороваясь со знакомыми патрульными и перебрасываясь дежурными репликами.

Расспросы о сути дела мало что прояснили. Якобы бы кто-то с кем-то повздорил, а вызванным из-за склоки хоррам не удалось оседлать ситуацию и возникла драка, причем с применением оружия. Вот уже это поистине удивляло. С момента моего поступления на станцию вооруженного столкновения рас не случилось ни разу. Вроде бы нечто подобное когда-то сотрясало стены Эльвереста, на заре становления станции, когда инопланетники и сородичи только-только пытались работать совместно. Учились взаимодействовать, слушать друг друга, понимать, да хотя бы вовремя обращаться к хоррам.

Но при мне станхи и земляне из патруля никогда не применяли оружие друг против друга.

Даже мыслей таких не возникало. Максимум, помашут кулаками, «приласкают» друг друга сочными эпитетами из общегалактического или собственных наречий, встанут в позу, перестанут работать сообща... Но стрелять... Нет, никогда.

Когда мы добрались до нужного места, худшие опасения подтвердились. Медики шустро уносили раненых, среди которых оказались два знакомых мне хорра, а отряд местной охраны изолировал силовым полем семерых забияк. Три станха и четыре землянина обменивались фразами, достойными подзаборных потасовок и... выстрелами из плазменных мини-пистолетов. Слава богу, хватило ума не использовать оружие дальнего боя, иначе невидимое ограждение не

сработало бы, и все вокруг стали невольными мишенями. Плазменные сгустки и лазерные лучи задерживалось внутри силового поля.

Сотрудники охраны защищали окружающих и частично себя от шальных выстрелов. До зевак они точно не долетели бы, охранников зацепить могли, но лишь под некоторыми углами. Поэтому ребята внимательно следили за действиями драчунов и старались смещать окружности максимальной мощности силовых полей, экранируясь от случайных атак.

Дреймор разговаривал с забияками, но особого эффекта пока не добился. Хотя, по моим ощущениям, применил всю силу аурного успокоения. Мы с Элей сделали этот вывод почти одновременно, и пораженно переглянулись. Обычно хорра подобной силы с его «эмоциональной стабилизацией», как принято выражаться, хватало, чтобы здорово снизить градус агрессии, хотя бы пресечь выстрелы.

Но не тут-то было.

Мы с подругой подключились к Дреймору, шагнули поближе к месту происшествия, но в эту минуту между мной и потасовкой выросла мощная фигура Фента.

Я даже сообразить не успела, как один из патрульных дернулся и упал, раненый выстрелом. Силовое поле из специального щита в его руке сместилось, и плазменный сгусток отразился от боевого щита капитана.

Станх подкинул устройство, что генерировало щит, похожее на старую шариковую ручку, ближайшему охраннику, и

тот восстановил «зону изоляции». Больше выстрелы драчунов до нас не долетали.

Тем временем мы с Элей приложили все силы, чтобы погасить негативные эмоции участников потасовки. Но агрессия снизилась совсем незначительно. Забияки прекратили палить друг в друга и начали обмениваться резкими репликами.

Ничего нового. Станхи замороженные, бюрократы чертовы, неведомые существа, с непонятными намерениями и вообще, что они забыли у нас на планете.

Земляне подозрительные, психопаты и истерики, и вообще лезли бы себе на деревья к братьям-приматам, ныряли в моря к предкам-рыбам.

В ход пошли кулаки, и мы с Элей поднажали опять. Дреймор бросил в нашу сторону потрясенный взгляд. Чтобы три хорра не смогли полностью нейтрализовать негативные эмоции... такого еще не случалось, в принципе. Не только за нашу практику на станции. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни за что и нигде.

В эту минуту наше поле усилилось еще двумя хоррами – мужчинами из патруля. Стало полегче.

А дальше случилось уже совсем странное.

Забияки резко остановились, словно конфликт выключили. Вот прямо так – кто-то нажал рубильник, и ребята встали как вкопанные. Затем они поочередно принялись трясти головами и поражаться тому, что стряслось.

Казалось, в драчунов нечто вселилось, а теперь оставило их в покое, и парни не осознают – что происходило.

Служба охраны повязала всех, а мы с Элей отправились к себе, когда Фент догнал и пошел рядом.

– После такого происшествия считаю своим долгом проводить вас, – безапелляционно сообщил капитан.

Эля подмигнула, явно намекая на нашу недавнюю беседу.

Я не нашлась с ответом, а Фент ничего не добавил. Мы молча отмотали приличное расстояние по станции и добрались до наших с подругой квартир.

– Не стоило ничего делать, – не сдержалась я возле двери. – Наша задача – уметь справляться с подобными ситуациями. Это наша работа. Нам не требуется защита могучего станха, капитана и вообще альфа-самца, чтобы сделать то, подо что заточены.

Фент поморщился, но быстро восстановил прежнее каменное выражение лица. На минуту он просто замер рядом со мной, тяжело дыша: то ли от возмущения, то ли от нервозности, а возможно и все вместе.

Я пожалела о сорвавшейся реплике, но слово не воробей, вылетит не поймаешь. Командир прекрасно все расслышал, понял и сейчас переваривал. Черт...

Он ведь помог, защитил, фактически закрыл меня телом. От выстрела капитана отделяли какие-то доли секунды, его выучка, скорость реакции и способность моментально справиться с атаками почти любого вида.

Кстати, над этим стоит еще поразмыслить. Почти ни один патрульный не смог бы так отреагировать...

Я раздумывала, не сказать ли что-то еще, не попытаться ли сгладить «углы», извиниться за резкость... Но Фент первым собрался с мыслями.

– Я не хотел, чтобы вы пострадали, – сказал коротко. – И, если придется снова поступить также, поверьте, думать не стану.

И вот только я набрала в грудь побольше воздуха, Фент крутанулся на пятках и уже на пути в свою часть общежития, внезапно притормозил. Развернулся, окинул меня внимательным взглядом и вдруг отчеканил тоном, не терпящим возражения:

– Еще раз спокойной ночи. На моей планете мужчина решает, когда и как ему вступаться за женщину. И если вы хорошо изучили станхов, умеете с ними работать, то уж это должны были усвоить в первую очередь. В жизни каждого станха есть женщины, которых он оберегает, несмотря ни на что! Даже на их собственные возражения и раненое самолюбие. Мать, сестры, родственницы и... те, кто не менее дорог.

Пока я соображала, что бы эдакое ответить, капитан устремился прочь.

Я фыркнула и юркнула за дверь, зная, что Эля устремится следом.

Ну еще бы! Не обсудить такое происшествие и участие Фента в моей судьбе. Однозначно мне предстоит второй акт

пьесы «Он такой красивый, сильный и защитил тебя. Какие тут могут быть сомнения и вообще раздумья?. Хватай и беги!»

Эля вернулась к нашему вечернему пиршеству, невозмутимо налила себе чай и удивила. Впервые за наше знакомство.

– Тебе не кажется, что творится нечто до крайности странное?

Я не сразу уловила, что речь пойдет не о завидном ухажере Фенте и пожурила себя за заикленность.

– Ты про сегодняшнее? – уточнила у приятельницы.

Она откусила кусочек инжира, похрустела и задумчиво ответила:

– Никогда не видела, чтобы три хорра не смогли утихомирить нескольких гуманоидов. Для такой компании и одного-то Дреймора должно было хватить с лихвой... Не считаешь?

Я только кивнула. Да, сегодняшняя ситуация выглядела крайне странно. На заданиях с патрульными мне доводилось успокаивать десятки разных существ. Хотя бы частично понижать градус агрессии. Сегодня же, чудилось – забияки нас вообще не почувствовали.

– Может военные разрабатывают какие-нибудь эликсиры для суперсолдат? – начала фантазировать Эля, впрочем я ее не винила. Станхи выдавали технологии в час по чайной ложке и даже все оборудование космических кораб-

лей не описывали. Земляне умели пользоваться судами дружественной расы, но разбирались далеко не во всех инженерных возможностях. На кораблях до сих пор оставались устройства, аппараты, программы, назначение которых мы не понимали.

Я пожала плечами:

– Если так, у нас очень мало шансов что-то выяснить.

– А Фент-то каков! – вот теперь я узнавала приятельницу. – Почти закрыл тебя телом!

– Щитом, он закрыл меня только щитом! – поправила я Элю.

– Да бро-ось! Он мог не успеть раскрыть силовой щит.

– Этот станх? Да у него столетняя выучка на каждом muscle написана!

– А тебе не кажется странным, что такого полета птица угодила в наши пенаты? У нас ведь высокородные вообще не работают. А этот... Видно, что он не просто аристократ. Как он двигается, как мгновенно реагирует... Я бы предположила, что он военный. И далеко не из самых рядовых.

– Ну захотелось богатому и влиятельному мальчику натянуть шкуру галактического патрульного. Что такого-то? То же мне невидаль... Редко, но и подобное случается, – я понимала, к чему клонит Эля. Но не собиралась потворствовать приятельнице. Для меня Фент скорее выглядел эдаким любителем экстремальных приключений, романтиком космических глубин, а вовсе не тем, кто ради женщины устро-

ился на Эльверест.

Тем более, если он боевой офицер. В этом сомневаться уже не приходилось. Заплесневел бедный вояка в тылу, захотелось размять косточки, испытать прежние умения, вновь ощутить прилив адреналина. Вполне себе адекватно и даже правильно. В тылу таким делать нечего. В армии, что давно ни с кем не воюет – думаю, почти также тяжело. Ни тебе нормальной тренировки в боевых условиях, ни рискованных миссий, ни кровавых сражений. Все чинно, мирно и по плану. От такого даже станх озверевает. Мало ли отставных военных не находили себя в мирной жизни, сходили с ума и делали глупости? Мало ли спивались и шли на преступления? Издевались над близкими, нанося тем увечья? Моральные или физические – не так уж и важно. Главное – ранили тех, кто дороже и ближе всех остальных.

Фент – не из тех, что сделает, не обдумав, отрежет, не обменив все досконально.

Да и не ухаживал он за мной с таким уж рвением. Да, помогал, оказывался рядом, если ситуация представлялась опасной. Проявлял участие, защищал, но не более. За мной уже пробовали приударить станхи и всегда это представлялось куда более очевидным. Они заявляли о намерениях, старались держаться рядом и приглашали на свидания. Замерзшие замороженными, но инопланетники умели показать заинтересованность и дать понять женщине, что не безразличны к ней.

Фент выглядел живым роботом. Изъявлял желание общаться, но даже в непринужденной обстановке вел себя слишком скованно и отстраненно, чтобы делать выводы о реальных эмоциях капитана.

Этот станх, пожалуй, выглядел самым «замороженным» из всех, что мне встречались, хотя, безусловно и самым загадочным.

– Ну и чего молчишь? Я ведь права? Уверена, подобные вопросы уже приходили тебе в голову! – настаивала Эля.

– Пфф... – я постаралась сделать интонацию как можно небрежней. – Даже если и приходили, что дальше? Может родовитому мальчику захотелось адреналина? Или какие там у них гормоны опасности? Решил доказать себе и другим, чего стоит? Не на безопасной Станхии – на дикой Земле среди аборигенов. Ведь они так иногда выражаются?

Да, временами в речах высокородных инопланетников такое проскальзывало. Хотя они очень старались вести себя толерантно, культурно и по-своему уважительно. Простые станхи относились к землянам как к ровням, хотя к очень странным и непонятым. Другое дело – знать с дружественной планеты. Причем, речь не о тех, что считались хунородными и прилетали на Землю, как они сами выражались, «испытать себя в новом мире». Речь именно о таких как Фент. Тех, что, определенно, не раз пересекались с императором, возможно, даже здоровались с ним за руку. Если подобные «ритуалы» вообще у них приняты.

Пока Эля переваривала мои аргументы, я решила добавить следующие:

– А, возможно, он вообще какой-нибудь генерал и прибыл к нам с тайной проверкой. Уж больно Фент хорош в полетах на истребителях и разраливаниях опасных ситуаций. Я еще не встречала ни станха, ни землянина с подобной скоростью реакции, смекалкой в условиях катастрофы и ледяным спокойствием. Не поверишь, как он реагировал на аварию, в которой произошло столкновение силовых генераторов! Словно прилетел на школьную драку! Такое чувство, что этот станх повидал куда больше. Возможно такое, что нам и не снилось! И подобные вещи его уже даже не трогают...

– На счет проверки... Сама ведь знаешь. Хорров всегда о подобном оповещают, – парировала Эля. – В ходе любой проверки могут возникнуть внештатные ситуации, ссоры и недопонимания. Нас держат на близком расстоянии, на всякий пожарный случай... Не верю, что, на сей раз желание скрыть нечто ото всех на свете превысило соображения безопасности... Наша станция – секретный, стратегически важный объект. Правительство не поставило бы под угрозу Эльверест и его обитателей. Тем более, все мы давали подписку о неразглашении даже среди родственников и близких, которые не работают на станции. А по поводу высокородного, что собрался показать какой он весь из себя по сравнению с местными... По-моему, так себе идея. Ни разу не видела,

чтобы этот капитан вел себя высокомерно с тобой или с кем-то другим.

Неудачные аргументы. И я это продемонстрировала.

– Сколько ты его видела-то? Несколько часов на вечеринке и несколько минут на происшествии? Не рановато ли делать выводы?

– Высокородные и за пару минут в галанете умудряются показать кто, есть кто, – а вот тут Эля меня «сделала». Что правда, то правда. Тут уже не поспоришь!

Некоторые приближенные императора Станхии обращались с землянами и худородными соотечественниками в жизни и в сети так, словно перед ними рабы, ничтожные существа, недостойные уважения. Не грубили, не требовали пиетета, нет! Но тон разговоров и выражения, оставаясь в рамках приличий, читались и звучали так, что становилось ясно – как низко находятся в глазах некоторых вельможных станхов люди и безродные соплеменники. А главное – не придерешься ведь! Не пожалуешься! Вот уж кто умел опустить по всем правилам культурного общения и приличий – так это императорские прихвостни со Станхии.

Но меня не особенно трогали фантазии Эли на старую добрую тему «Алых парусов» в космическом антураже. До Грея капитану как до Луны, да и я никакая не милая, наивная Ассоль с надеждой на красавца-романтика, что увезет в космические дали и подарит любовь, счастье, достаток... Не те мы персонажи, увы, совершенно не те.

Уж если Фент Бро так понравился приятельнице, вот пусть с ним сама и «закрутит»... Бросится с головой в очередной омут заранее обреченных отношений...

Правда в эту минуту я ощутила укол ревности. Слабый, невыраженный... Хм... Странно...

Мы с Элей поболтали подольше. Еще раз в деталях обсудили происшествие, кто где стоял, кто как действовал и выражения лиц драчунов. Что-то меня в них очень напрягало. Эля редко сосредотачивалась на таких деталях. Я же не могла разобраться в собственных эмоциях.

Оставила на потом, решив просмотреть трехмерную видеозапись. Как член патрульного сообщества я имела право запросить ее, если видела необходимость.

Я твердо решила так и поступить. В критической ситуации наблюдательность фокусируется на сохранение жизни и целостности, здоровья... Но уж если мне что-то почудилось, вряд ли это всего лишь «видение». Наверняка подсознательно я что-то заметила, просто суматоха драки, острый привкус опасности, который буквально ощущался на языке не позволили разобраться окончательно.

Мы с приятельницей разошлись через час или полтора – обоим требовалось хорошенько выспаться, а времени на это оставалось все меньше.

Я приняла прексмап – специальное лекарство, которое позволяло сразу погружаться в глубокий сон и максимально расслабляться: физически и эмоционально. Препарат помо-

гал выспаться за рекордно короткое время, но долгий прием вызывал привыкание, поэтому я старалась не злоупотреблять.

Выдавался прексмал бесплатно и без рецепта в одном из аптечных киосков станции, хотя на Земле для его покупки требовалось назначение специалиста с миллионом подписей и печатей. На Станхии, насколько я знала, прексмал входил в список запрещенных препаратов и принимали его только в стационарах, под неусыпным наблюдением медиков.

Коллеги отвечали за себя сами. Переборщик с препаратом – после анализа крови тебя отстранят от работы. «Подсел» на лекарство – обследуют в штатном режиме и выпишут внеочередной отпуск в специальную клинику для наркозависимых.

Учитывая, как нас контролировали: здоровье, психику, эмоции и гормоны, шансов на то, что патрульный окажется на работе в неадекватном или нетрезвом состоянии не оставалось совершенно.

Глава 4

Я совершенно забыла, что у прексмала есть один очень любопытный побочный эффект. Упомянутый препарат помогал раскрывать подсознание и даже вспоминать то, о чем не подозревала.

Собственно, поэтому часто и вызывал зависимость. Хорошо сходить к психотерапевту, даже и не сходя к нему. Вытащить все глубинные страхи, сомнения и противоречия, разрешить их во сне и наяву успокоиться...

На прексмал часто подсаживались следователи полиции. Лекарство помогало детально воспроизвести место происшествия: всплывали подробности, которые вроде бы и не заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.